

Альтернативная литература

Лидия Раевская

Взрослые игрушки

Вся
правда
о жизни
русской
женщины

Лидия Раевская

Взрослые игрушки

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6602970

Взрослые игрушки: ООО «Альтернативная литература»; М.; 2009

ISBN 978-5-4219-0002-3

Аннотация

Здесь правда голая, как жирная тётка в бане. Она не втягивает живот и не прячется за тонированными стёклами иномарки. И говорит она не на глянцево-гламурном новоязе, а на простом русском языке.

В этой книжке нет ничего кроме разумного осмысления вечно с нами происходящего при сохранении доброго отношения к себе, что бы с нами, сучками крашенными ни происходило в этой тупой, жестокой и порою чудовищно смешной жизни.

Книга содержит нецензурную лексику.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	28
Глава четвёртая	36
Глава пятая	49
Глава шестая	58
Часть вторая	69
Глава седьмая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Лидия Раевская

Взрослые игрушки

Предисловие

Тонкий и интеллигентный юмор Татьяны Толстой... Семейные саги Людмилы Улицкой... Всепобеждающий триумф женской логики по версии Донцовой и Устиновой... Рецепты жизни от Собчак и Робски... Вы любите это? Вы ждёте новых откровений от отечественной женской литературы? Тогда вы ошиблись книжной полкой. Если вы ещё в магазине и не успели купить эту книгу, то немедленно поставьте её обратно, пока вас никто с ней не увидел. Потому что ещё несколько минут и будет поздно: на пятнадцатой странице с ваших, уже обкусанных, начнёт слезать слоями дорогой маникюр, на пятьдесят седьмой – потечёт удлиняющая тушь и встанут дыбом остатки линии бикини, а после сто пятнадцатой вы без ужаса поймёте, что вам жизненно необходимо не на концерт Башмета в «Барвиха лакшери вилледж», а на ржавые трубы возле районной больницы пить портвейн с незнакомым милиционером после искрометного секса с ним же. Короче, вы вдруг станете сама собой.

А теперь – серьёзно. Чтение «Взрослых игрушек» Лидии Раевской – это занятие трудное и опасное. В метре от попе-

ременно то краснеющего, то истерически ржущего человека люди шарахаются и нажимают кнопку экстренной связи с машинистом. В офисе (тем более, в наше кризисное время) вас всенепременно уволят. Причём, не по сокращению, а за деморализацию коллектива, адский хохот и глаза, выпученные как у кота Тома, которому мышонок поджёг хвост и съездил по башке молотком. Вас не спасут ни заклеенный пластырем рот, ни розданные сослуживцам самолётные затычки для ушей, ни данное себе слово «ещё полстранички и на сегодня – всё!». Метаморфоза по Кафке уже произошла: вы стали Лидией Раевской. Её мужик-импотент – это ваш мужик-импотент. Её дебильная соседка – это ваша дебильная соседка. Её детская мечта о больших сиськах – это ваша мечта (для многих – и по сей день). Всё так и было, всё так и есть, всё так и будет, причём, в отличие от гришковцовского коктейля из соплей и сахара и санаевских заплинтусных рефлексий, здесь правда голая, как жирная тётка в бане. Она не вытягивает живот и не прячется за тонированными стёклами иномарки. Она не прикрыта брендами и не отвлекает от себя шорохом купюр. И говорит она не на глянцево-гламурном новоязе, а на простом, блять, русском языке.

А как же «разумное, доброе, вечное?» – спросите вы. А это именно они и есть! В этой книжке нет ничего кроме разумного осмысления вечно с нами происходящего при сохранении доброго отношения к себе, что бы с нами, сучками крашенными ни происходило в этой тупой, жестокой и

порою чудовищно смешной жизни.

Андрей Орлов (orlusha)

P.S. Если вы надумаете прятать эту книжку от дочери-подростка, то не кладите её вместе с давно (поверьте моему и своему опыту) найденными презервативами и порнокассетами. Поставьте её на самом видном месте между томиками Чехова и Зощенко, туда дети обычно добираются в последнюю очередь. Кстати, именно там этой книжке, как раз, и самое место.

Часть первая

«Детства моего чистые глазёнки...»

Глава первая

Я всегда была чувственной и одарённой натурой. Я этого не ощущала, но моя родня утверждала, что я пиздец как талантлива, только они точно не знают – в чём именно. На всякий случай, меня отдавали во всевозможные кружки и школы, чтобы выяснить, где же зарыт мой талант. А в том, что он где-то зарыт – никто не сомневался. К моим двенадцати годам выяснилось, что талант у меня только один – пиздеть не по делу. Причём, обучилась я этому сама и совершенно бесплатно. За это меня сурово наказали, сделали внушение, и в наказание отправили на одну смену в пионерлагерь «Мир», где я, вдобавок ко всему, научилась курить невзатыг, петь блатные песни, и воровать.

После того, как с моей жопы сошли последние синяки и следы папиного ремня, меня забрали из всех кружков и школ, решив, что я – бесталанный позор семьи.

И тут во мне внезапно проснулся талант.

Однажды утром я вдруг поняла, что я – богиня музыки. Музыка звучала у меня в голове, я её никогда раньше не слы-

шала, и попыталась запомнить. Годы учёбы в музыкальной школе прошли для меня даром, к тому же мой папа выбил из меня последние мозги своим ремнём, и, если вы помните по какому месту бил меня папа – вы знаете, где у меня находятся мозги. Так вот, папа их выбил окончательно. Вместе с жидкими воспоминаниями о том, как выглядят нотный стан, ноты, и моя учительница пения Белла Дераниковна Эбред. Странно, но вот имя учительницы пения папа выбить так и не смог.

Ноты я записать уже не могла, а вот мелодию, звучавшую в голове, запомнила, и напевала её про себя до тех пор, пока она внезапно не оборвалась. А оборвалась она потому, что вошедшая в комнату мама стукнула меня по голове выбивалкой для ковров, и напомнила мне, что лагерное прошлое меня не отпускает.

Стукнув меня по голове, и тем самым оборвав звуки прекрасной мелодии, мама удалилась из моей комнаты, а я, выждав пять минут, полезла в ящик с игрушками младшей сестры, и вытащила оттуда металлофон. Была во времена моего детства такая игрушка: доска с прибитыми к ней железными пластинами. К доске прилагались молоточки. Ху-ряя этими молоточками по пластинам, можно было сыграть «Тили-тили, трали-вали» или «Чижик-Пыжик». Я, как три года проучившаяся в музыкальной школе, могла ещё дополнительно выбить из этой жемчужины советской игрушечной промышленности «Во саду ли, в огороде» и «Ламбаду». Па-

па иногда говорил, что за триста рублей в год он сам может сыграть оперу «Кармен» на губе и на пустых бутылках. Причём так, что сам Жорж Бизе не отличит от оригинала. А уж «Ламбаду» он вообще пропердит на слух, даже не напрягаюсь. После чего всегда добавлял, что в музыкальных школах детей учат какой-то хуйне.

В общем, я извлекла металлофон, и наиграла на нём услышанную мелодию. Получилось звонко и прекрасно. Но музыка – это ещё не всё. Требовались слова для песни. Слова я тоже придумала очень быстро. Зря, всё-таки, родня считала меня бесталанной. Песня выдумалась сама собой.

Меня не любит дед, не любит мать
За то что дочь их стала воровать.
Они все говорят, что я – позор семьи,
Мне больно это знать, как не поймут они...

(тут шёл такой мощный наебок по металлофону, и сразу за ним – припев)

ЧТО ВОРОВАТЬ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ ГОЛО-О-О-ОД!!!

Потом шёл второй куплет сразу:

Моя мамаша постоянно меня бьёт,
А папа с мужиками пиво пьёт,
В такой семье мне остаётся лишь одно:
Я буду красть конфеты всё равно!

(БУМС! ДЫДЫЩ!)

ВЕДЬ ВОРОВАТЬ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ ГОЛО-О-О-ОД!!!

В общем, песня была придумана, я её спела три раза и прослезилась, и теперь мне требовались благодарные слушатели. Маме её петь было нельзя, остатками выбитого мозга я понимала, что мама может меня сдать врачам на опыты, поэтому я, сунув металлофон подмышку, выбралась на лестницу, и позвонила в соседнюю квартиру. Открыла мне подруга Ленка.

– Ленка, ты любишь музыку? – сразу спросила я у подруги, и показала ей металлофон.

– «Модерн Токинг» люблю, – ответила Ленка, и с опаской покосилась на мой инструмент.

– Я сочинила песню, Ленка, – пренебрежительно сказала я, и, плюнув на большой палец, лихо протёрла крышку металлофона. – О тяжёлой воровской доле. Ты будешь её слушать?

Ленка уже давно была наслышана, что я – отъявленная воровка с дурной наследственностью, отягощённой пьющим отцом и куращей матерью, и поэтому побоялась мне отказать, и впустила меня в квартиру.

Кроме самой Ленки там обнаружили ещё две какие-то незнакомые девочки, которые при виде меня почему-то съёжились, и прижались плотнее друг к другу.

– Вы любите музыку и песни о тяжёлой воровской судьбе? – Я в лоб задала девочкам вопрос, и они съёжились ещё

больше. – Я, как вор со стажем, знаю в этом толк. У нас в лагере такое каждый вечер пели.

– В каком лагере? – прошептала одна из девочек и с опаской посмотрела на мой металлофон.

– Да так, в одном лагере... – Туманно ответила я. – Под Дмитровом где-то. Нас туда ночью везли. Короче, вы меня слушать будете?!

Девочки, во главе с Ленкой, закивали головами, а Ленка даже пару раз хлопнула в ладоши.

Я расчехлила свой инструмент, поплевала на руки, покрепче взяла молоточки, и запела свою песню. Когда я кончила петь, и утих последний отголосок, Ленка икнула, и спросила:

– Ты сама это сочинила?

– Да. – Гордо ответила я. – Воры всегда сами придумывают свои песни. Поэтому они всегда у них печальные. Вот послушайте.

И я спела им «Голуби летят над нашей зоной», подыграв себе на металлофоне. Девочки впечатлились ещё больше. Было очень заметно, что таких песен они никогда не слышали. Таких жизненных и таких печальных.

– Послушай, Лида... – сказала вдруг Ленка, и несмело потрогала мой инструмент.

– А можно мы тоже будем играть твою песню? У меня тоже есть металлофон.

– Ну что ж... – я нахмурила лоб. – Можно, конечно. Толь-

ко металлофона больше не надо. Что у тебя ещё есть?

Ещё у Ленки оказался барабан, бубен и игрушечная шарманка. Такая, знаете, круглая штука с ручкой. Когда её крутишь, получается ужасно заунывная музыка. У моей младшей сестры была такая, и та всего за полчаса вынесла мне весь мозг этой шедевральной мелодией, после чего я снова начала грызть ногти, хотя отучилась от этого два года назад. С помощью психиатра.

Раздав всем троим инструменты и, предупредив о пагубном влиянии шарманки, я снова начала:

– Меня не любит дед, не любит ма-а-ать...

Здесь одна из девочек начинала яростно крутить шарманку, а Ленка один раз ударяла в бубен.

– За то, что дочь их стала ворова-а-ать...

Тут вступала вторая девочка, с барабаном. Она громко била в барабан, обозначив этим трагический момент моего морального падения, как она сама объяснила, и при этом тоненько подпевала «Воровка Лида, воровка Лида...»

– Они все говорят, что я – позор семьи-и-и...

Снова жуткий звук шарманки, и погребальный удар в бубен.

– Мне больно это знать, как не поймут они!!! – тут я прям-таки заорала, и взмахнула рукой, чтобы обозначить бумс и дыдыщ.

По моему знаку одна из девочек стала крутить ручку шарманки с утроенной скоростью, Ленка затрясла бубном и за-

выла, а девочка с барабаном затряслась, и закричала:

– ВЕДЬ Я ВОРУЮ, ПОТОМУ ЧТО НЕ ЖРАЛА НЕДЕ-
ЛЮ-Ю-Ю-Ю-Ю!!!

– Дура ты! – В сердцах выругалась я, и ударила девочку по голове молоточком от металлофона. – Ты в бумажку со словами смотришь вообще?! Вот манда, такую песню испортила!

Слово «манда» я выучила в лагере, и уже получила за него пиздюлей от папы. Значит, хорошее было слово. Нужное. Правильное.

Девочка, получив молоточком, затряслась, схватила бумажку, близоруко тыкнулась в неё носом, и заорала ещё громче:

– ВЕДЬ ВОРОВАТЬ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ ГОЛО-О-ОД!!!

Ленка неуверенно стукнула один раз в бубен, и посмотрела на меня.

– Всё. Отперделись вы, девки. – Я прищурила глаз, и окинула тяжёлым взглядом свою рок-группу.

– И что теперь с нами будет? – Тихо спросила девочка с барабаном.

– Ничего хорошего. – Успокоила я её. – Музыкантами вам никогда не стать. Тут талант нужен особый. Кто не познал голода и лагерной жизни – тот никогда не станет талантливым музыкантом. Всё. Я ухожу.

С этими словами я забрала свой металлофон, воткнула за каждое ухо по молоточку, и с пафосом хлопнула дверью.

Дома я ещё несколько раз тихо спела свою песню, избегая бумса и дыдыща, чтоб мама не спалила, а через два часа к нам пришла Ленкина мать. Потрясая бумажкой, на которой был написан текст моей песни, Ленкина мама громко кричала, что по мне плачет тюрьма и каторга, что она запрещает Ленке дружить со мной, и что одну из девочек, которых я в грубой форме принуждала сегодня к извращениям, увезли сегодня в больницу с нервным срывом. Выпалив это на одном дыхании, Ленкина мама потребовала выдать меня властям. То есть, ей. И ещё потребовала, чтобы меня немедленно и при ней жестоко избили, изуродовали, и сунули мне в жопу мой металлофон, которым я покалечила психику её дочери.

Я подумала, что настал час моей смерти.

За дверью послышались тяжёлые шаги. Я зажмурилась и инстинктивно сжала сфинктер ануса. Дверь распахнулась, и послышался голос папы:

– Ну что, республика ШКИД, воровать заставил тебя голод?

– Я больше не буду... – Заревела я, рассчитывая облегчить свою смерть хотя бы исключив пункт засовывания металлофона в свою жопу. – Я больше никогда-а-а-а...

– Не ной. – Хлопнул меня по плечу папа. – Воровать не надо, если не умеешь как следует, а за песню спасибо. Я очень ржал.

– Тётя Света хочет меня убить... – Я заплакала ещё гор-

ше. – Я сама слышала...

– Тётя Света щас пойдёт на... Домой в общем. – Ответил папа. – И мама пойдёт туда же, прям за тётей Светой, если полезет тебя наказывать. А что касается тебя – то не ожидал, что у тебя всё-таки есть талант. Триста рублей потрачены не зря. Ну-ка, спой мне эту песню.

Я несмело достала металлофон, и тихо, запинаясь, спела папе песню о тяжелой воровской доле.

Папа долго смеялся, а потом принёс гитару и запел:

– Плыл корабль, своим названьем гордый, океан стараясь перевозмочь.

В трюме, добрыми качая мордами, лошади стояли день и ночь...

В комнату вошла мама, и открыла рот, чтобы что-то сказать, но ничего не сказала. За спиной у неё замерла тётя Света, и они обе стояли, и молча слушали, как мы с папой поём:

– И не было конца той речке, края...

На исходе лошадиных сил

Лошади заржали, проклиная

Тех, кто в океане их топил...

...Так закончилась моя музыкальная карьера. Я никогда в жизни не написала больше ни одной песни, и в моей голове больше никогда не звучала незнакомая музыка. Видимо, мама сильно стукнула меня выбивалкой.

Зато песню про лошадей мы с папой поём до сих пор. Ред-

ко поём. Потому что редко видимся. А если видимся – то поём обязательно.

Соседка Ленка после того случая почему-то без экзаменов поступила в музыкальную школу, и сейчас работает в детском саду. Учит детишек пению.

А самое главное – мой папа мной гордится. Потому что, как оказалось, один маленький талант у меня всё-таки есть.

Глава вторая

Когда мне стукнуло десять лет, мама вызвала меня на откровенный разговор. Это я поняла сразу, как только увидела её лицо, и сложенную вчетверо газету, торчащую из кармана маминого домашнего халата. Все серьёзные разговоры со мной мама вела, зачитывая мне вслух какую-нибудь поучительную статью из газеты, и заканчивала разговор словами: «Лида, ты всё поняла?» Иногда я абсолютно ничего не понимала, но всегда согласно кивала головой. В противном случае, мама читала мне газету ещё три раза подряд. Таким образом, к моим десяти годам я имела уже три серьёзных разговора с мамой. По статье: «В Африке голодают негры», которая должна была пробудить во мне сострадание к убогим, и, само собой, пробудила, причём, настолько, что я неделю ложилась спать, положив под подушку фото из газеты, с которого на меня смотрел грустными базедовыми глазами облепленный мухами цеце маленький голодный негроид. По статье «Курение – отравка», где подробно рассказывалось о том как курение убивает людей раком, и по статье «Маленький дьявол», где писали про девочку, которая убила свою маму кухонным ножом, за то что та не пустила её в субботу в кино, на мультик «Лисёнок Вук». Последнюю статью мне мама прочитала три раза, потому что с первого прочтения я не поняла – на хуя мне это знать? После третьего я догада-

лась, что моя мама таким образом намекает, что в субботу я отсосу с Лисёнком Вуком, потому что она меня собирается наказать, и предупреждает, что ножи с кухни она попрячет.

На очереди была четвёртая статья, и, судя по выражению маминого лица – читать мне её собирались раз десять.

– Лида, ты уже совсем взрослая, – начала моя мама, разворачивая газету, а я этим поспешила воспользоваться:

– Тогда купи мне лифчик. Ну, хоть на вырост... О лифчиках я мечтала с ясельной группы детского сада, и плевать хотела, что мне не на чем их носить. Главное, чтобы они, вожделенные ситцевые лифчики, лежали в моём шкафу. – С деньгами сейчас туго, – строго сказала мама, и разложила газету у себя на коленях, – так что я купила тебе синенькие рейтузики. А теперь слушай... Первую читку статьи я прослушала, потому что думала о том что синенькие рейтузики – хуёвая альтернатива лифчикам, вторую читку я слушала вполуха, и поняла, что речь идёт о какой-то непослушной девочке, а третья меня заорожила никогда ранее неслыханным словосочетанием «половая щель». Так что с четвёртого раза я поняла что в статье писали о девочке, которая шла в школу, и по дороге встретила дяденьку, который оказался «извращенцем» (это слово я тоже слышала впервые, и оно мне понравилось), и дяденька тот предложил девочке пойти к нему в гости посмотреть на маленьких котят, после чего что-то сунул ей в «половую щель».

– Ты всё поняла, Лида? – Спросила меня мама, закончив

читать статью в четвёртый раз.

– Да. – Ответила я, раздумывая: спросить маму про половую щель и извращенца, или нет.

– Что ты поняла? – Не успокаивалась мама, и буравила меня взглядом.

– Что нельзя разговаривать с извращенцами, которые предлагают показать котят, а сами хотят залезть в половую щель.

– Вот и молодец. – Повеселела мама, оставила мне газету, и ушла звонить тёте Марине с третьего этажа.

На всякий случай, я сама ещё раз перечитала газету, и сильно позавидовала той девочке с половой щелью, которая познакомилась с извращенцем. Фотография этой девочки была на весь газетный разворот, а это было моей второй заветной мечтой, после лифчиков: чтобы мою фотографию напечатали в газете.

На следующее утро, идя в школу, я постоянно оборачивалась назад, и останавливалась через каждые три метра, в надежде встретить извращенца. Половой щели у меня всё равно не было, так что я его совсем не боялась. Я только хотела у него спросить: кому отдать мою фотографию, чтобы её напечатали в газете? Извращенца я не встретила, но на первый урок опоздала.

– Опоздываем, Лида? – Строго спросила меня учительница, и добавила: – Дневник на стол.

Кинув на учительский стол дневник, я села на своё место,

рядом с подругой Анькой.

– Проспала? – Шёпотом спросила меня Анька, пока я доставала учебник математики.

– Неа. Потом расскажу. – Пообещала я, и заткнулась до конца урока.

А уже на следующей перемене я стала звездой. Сидя на подоконнике, окружённая десятком своих и не своих одноклассниц, я, страшно вращая глазами, рассказывала:

– Этого извращенца видели в нашем районе. Он совсем старый, там было написано что ему около тридцати лет. Нападает на девочек, заставляет их смотреть маленьких котят, а потом лезет в половую щель. А девочка та после этого умерла!

Одноклассницы ахали и шептались, а я гордилась тем, как круто я их всех наебала, потому что не хотела делиться с ними правдой о том, что извращенца можно попросить отнести в газету твою фотографию. А то б они все ломанулись бы искать моего извращенца, и кто-нибудь по-любому нашёл бы его раньше меня. И у неё даже могла бы быть ненужная половая щель, которую можно было б обменять на публикацию в газете.

Правду я открыла только Аньке, когда мы возвращались с ней домой из школы.

– Круто! – Сказала она, выслушав мой план до конца. – А как мы будем его искать?

– Очень просто. – Я подтянула свои новые синенькие рей-

тузики. – У школы много дяденек ходит. Надо просто спросить у них – есть ли у них дома котятки, и не нужна ли им половая щель. Это ж просто.

– Ты такая умная, Лида... – С завистью сказала Анька, и спросила: – А у тебя есть половая щель?

– Нет, конечно. – Я с презрением посмотрела на Аньку и демонстративно вывернула карманы: – Куда б я её, по-твоему, могла бы положить? Мы просто обманем извращенца. Дадим ему свои фотографии, а сами пойдём в милицию, и скажем милиционерам, чтобы они посадили извращенца в тюрьму. Только не сразу, конечно, пусть сначала он до газеты дойдёт.

Возле нашего с Анькой подъезда толпился народ.

– Вау! – Расширила глаза Анька. – Сколько людей! Наверно, кто-то из окна пизданулся.

Мы захихикали. Слово «пизданулся» мы слышали недавно, и оно нам очень нравилось. Только пока не было случая, чтобы можно было его применить на практике.

– Яйца, яйца бы ему оторвать, пидорасу! – Голосила где-то в толпе тётя Клава из пятого подъезда. Я её по голосу узнала. – Чего удумал, уёбок! Это хорошо, что Танька его спугнула!

Тут я услышала голос своей мамы, и напряглась.

– Стоим мы, значит, с Наташкой Козловой, и курим. – Начала моя мама, а я нахмурилась: не знала, что она курит, врунья. А мне ещё статью о вреде курения читала, и газетой по

голове стучала. – Лидка ж у меня не знает, что я курю, поэтому мы с Наташкой на чердаке курим. И тут, значит, слышим – лифт приехал на девятый. И голос детский. Мы ещё думаем: кто это приехал? На девятом у нас одни алкаши живут, там детей ни у кого нету. И тут, значит, люк на чердаке открывается – и Маринка Клавкина там появляется. «Здравствуйте, тётъ Тань» – говорит. А по лестнице вниз уже грохот слышен. Я её спрашиваю, мол, ты, что здесь забыла, Марина? А она мне: «А мне дяденька обещал тут котятков показать на чердаке, только почему-то убежал». Вы представляете, какой ужас? Я, конечно, сразу бегом вниз, а его уже и след простыл. Съебался извращенец!

– Эх, съебался наш извращенец... – Простонала стоящая рядом Анька, и я тоже с досадой плюнула на асфальт: – Блин, теперь про Маринку в газете напишут. Это нечестно!

– Ещё как нечестно. – Анька расстроилась не меньше. – Придётся теперь пораньше в школу выходить, чтобы извращенца поймать. И у Маринки спросить надо: она ему фотографию свою давала или нет?

Но с Маринкой мы так и не поговорили. Тётя Клава отправила её на три месяца к бабке в Тамбов. Зато с мамой у нас состоялся пятый серьёзный разговор, и первый – который без чтения статей.

– Лида... – Маму почему-то трясло, и пахло от неё табаком. – Сегодня на тёти Клавины Марину напал извращенец. Помнишь, мы только вчера об этом говорили?.

– Помню. – Кивнула я. – Ты куришь на чердаке?

– Не твоё дело! – Огрызнулась мама, и занервничала. – Я очень редко курю. Скоро брошу. Ты помнишь, что делает извращенец?

– Показывает котят, и требует половую щель. – Ответила я, и вздохнула: – Ко мне он никогда не подойдёт.

– И слава Богу! – Нервно крикнула мама, и достала из кармана сигареты. – Я покурю тут, ладно? Разнервничалась. Ты ж у меня умная девочка, так что заруби себе на носу: никаких котят, никаких чердаков и подвалов, и никаких конфеток от посторонних не брать!

– Покури, чоуштам. – Важно ответила я, и подтянула рейтузы, – ты не волнуйся, я, если увижу извращенца – сразу в милицию пойду. Сразу же.

Неделю мы с Анькой выходили из дома в полвосьмого утра, и бродили в осенних потёмках возле школы, выискивая нашего извращенца. Его нигде не было.

– Это всё мама твоя виновата, – высказывала мне Анька, – это из-за неё он испугался и убежал. Так что теперь хрен нам, а не фото в газете.

Я плелась рядом, опустив голову, и не возражала. А чо тут скажешь? Анька была стопроцентно права.

Тёмный силуэт у забора школы мы увидели не сразу. И заметили его только тогда, когда он приблизился и сказал:

– Девочки, можно с вами поговорить?

– О, – толкнула меня локтем Анька, – смотри: с нами

взрослый дядька поговорить хочет. Надо у него будет спросить: не видал ли он тут извращенца?

– Здрасьте. – Сказала я дядьке, и с интересом на него уставилась. На извращенца он был совсем не похож. Дядька как дядька. Ни бороды, ни усов, ни пиратского ножа на поясе. Говно какое-то, а не извращенец.

– Девочки... – Сбивчиво начал дяденька, – можно я сейчас подрочу, а вы посмотрите? Только не убегайте, я вам ничего плохого не сделаю.

– И котят не покажете? – Посуровела Анька.

– И в щель половую не полезете? – Насупилась я.

– Нет! – Истерично выкрикнул дядька, и начал расстёгивать штаны. Я только подрочу!

– Ну что скажешь? – Я посмотрела на Аньку.

– Пусть дрочить, чоуштам. Всё равно до звонка ещё двадцать минут. Хоть посмотрим чо это такое.

Дядька тем временем достал из штанов хуй, и ритмично задёргал рукой.

– Фигасе у него письку разнесло... – Присвистнула Анька. – Ты у мальчишек письку видала?

– В саду только. Лет пять назад.

– И чо? Такая же была?

– Не... Та была маленькая, на палец похожая, только остренькая на конце. А это колбасятина какая-то синяя.

– А может, это и не писька вовсе? – Предположила Анька, и подергала дядьку за рукав:

– Это у вас писька или нет?

– ДАААА!! – Прохрипел дядька, и задёргал рукой ещё динамичнее. – ПИИИСЬКА!!!

– Охренеть. Бедный дядька. – Анька сочувственно посмотрела на дровичера, и погладила его – карман. – Кстати, а что он делает?

– Мне кажется, он хочет нас обоссать... – Ответила я, и на всякий случай отошла подальше от дядькиной письки.

– Дурак он што ле? – Анька тоже отодвинулась. – А обещал только подрочить. Ты знаешь, что это такое?

– Ну... – Я задумалась. – Наверное, то же самое, что и поссать. Только зачем ему это надо – не знаю. Надо его спросить: когда он уже, наконец, поссат, и тогда мы с ним поговорим об извращенце. Может, он его видел?

– Дяденька, – Анька встала на цыпочки, и похлопала мужика по щеке: – Вы, давайте, быстрее уже дровичите, а то нам с вами ещё поговорить надо, а звонок уже через десять минут. Долго ещё ждать-то?

– Блять! – Грязно выругался дядя, и стал убирать свой хуй обратно в штаны. – Дуры ебанутые!

– А чой-та вы тут матом ругаетесь? – Возмутилась я. – Мы, между прочим, дети! Вы обещали только подрочить, а сами матом ругаетесь. Мы на вас в милицию пожалуемся!

– И скажем там, что вы нам обещали котятков показать, и в щель половую залезть. – Анька тоже внесла свою лепту. – Ходят тут всякие, извращенцами прикидываются, а сами да-

же письки нормальной не имеют.

– Действительно. – Поддержала я подругу. – А то мы прям писек мужицких никогда не видали, и не можем отличить человеческую письку от тухлой колбасы.

– Ебанашки! – Дядька дрожащими руками застёгивал ширинку, и продолжал ругаться: Блять, нарвался на извращенки! Повезло!

– Кто извращенки? – Я сделала стойку. – Мы? Мы с Анькой извращенки?!

– Полнейшие! – Дядька повернулся к нам спиной. – Дуры интернатские!

– Анька... – Я повернулась к подруге, – Ты поняла, чо он сказал?

– Конечно, – Анька подпрыгнула, встряхивая ранец за своей спиной, – он сразу понял кто мы такие, и кого ищем. Сам, поди, извращенца нашего тут вынюхивает, тварь. И это не писька у него была, а самая настоящая половая щель! Знает, на что нашего извращенца приманивать!

– Ещё раз его тут увидим – палками побьём! – Я обозлилась. – И щель отнимем.

– Да так, чтобы он пизданулся! – Анька ввернула наше любимое слово, и мы захихикали.

– Плохо, конечно, что мы сегодня извращенца не нашли. – Я толкнула железную калитку, и мы вошли на школьный двор. – Но можно будет в выходные полазить по подвалу и

чердаку. Может, он там где-нибудь живёт?

– Можно. – Согласилась Анька. – На всякий случай, колбасы с собой возьмём. Надо ж его на что-то ловить?

– Хорошо б ещё половую щель где-то раздобыть. Щель он любит больше, чем колбасу.

... Под трель школьного звонка мы с Анькой уверенно вошли в двери своего третьего «Б» класса.

До встречи с извращенцами, пытающимися запихать нам под музыку Тома Вейтса в половую щель консервированную вишню, с целью вынуть её обратно и сожрать – нам оставалось чуть больше десяти лет...

Глава третья

У меня есть сестра. Младшая. Красивая такая девка с сиськами, но это сейчас. А лет пятнадцать-семнадцать назад она была беззубой лысой первоклашкой. Ради справедливости скажу, что я тоже была в то время лысой пятиклассницей. И вовсе не потому, что мы с Машкой такие красивые от рождения, а потому, что у нас, к несчастью, были охуительные соседи: дядя Лёша, тётя Таня, и трое их детей. Тётя Таня с дядей Лёшей были охуеть какие профессионалы в плане бухары, а их дети были самыми вшивыми детьми на свете. В прямом смысле. В общем, в один прекрасный день мы с Машкой повстречали всю эту удалую тройку возле песочницы, куда вшивые дети регулярно наведывались с целью выкопать там клад, и неосторожно обозвали их «пиздюками», за что и поплатились. Завязалась потасовка, в результате которой соседские дети отпиздили нас с Машаней своими лопатками, и наградили вшами. Пиздюли мы соседям ещё простили бы, но вот вшей – хуй. Ибо наша мама, недолго думая, тупо побрила меня и сестру налысо. Ну, почти налысо. Так, газончик какой-то оставила, для поржать. Я, например, стала ходить в школу в платочке, за что получила в классе погоняло баба Зина, а Машаня вообще получила психологическую травму, когда улыбнулась в зеркало своему лысому и беззубому отражению.

В общем, вся эта предыстория была рассказана для того, чтоб сказать вам: Машаня с горя записалась в секцию карате. Типа, раз уж я уёбище, то буду хотя бы сильным и ловким уёбищем. Наш папа был только рад такому повороту, потому что всегда мечтал о сыне, а наплодил бабский батальон. С горя он пристрастился к алкоголю, за каким-то хуем отдал меня в кружок мягкой игрушки, и бросил пить, когда увидел какого я сшила зайчика из старых папиных трусов. Но это другая история. А щас разговор не об этом. В общем, папа с огромной радостью начал водить Машку на занятия, шить ей всяческие кимоно, и перестал постоянно отдавать меня в танцевальные и музыкальные школы, поняв, наконец, что за пятьдесят рублей в месяц я научилась танцевать только гопак и мазурку, и то как-то хуёво.

Тренерами у Машани были мужик и баба. Муж и жена. Мужик тренировал пацанов, а жена его, соответственно, страшных девок, вроде Машки. С виду приличные такие люди. Каратисты, хуё-моё. Уважаемые люди. Но как мы фатально ошибались.

Однажды папа пришёл домой после Машкиной тренировки задумчивым и пьяным. Он погладил меня по лысине, многозначительно посмотрел на потолок, и сказал:

– Блять.

Я была совершенно солидарна с папой, но вслух ничо не сказала.

Папа вздохнул, перевёл взгляд на меня, простучал мне

пальцами по плешке «Чижика-Пыжика», и добавил:

– Скоро мы все умрём.

– Ты пропил зарплату?! – Выскочила в прихожую мама, и в воздухе запахло грозой. – Нам будет нечего жрать?!

– Отнюдь. – Папа убрал руку с моей головы, и вытер её о пиджак. – Как ты меркантильна, Татьяна. Всё б тебе только пожрать. А ведь скоро конец света, дети мои. Подумайте об этом. Настанет Царствие Божие. А в рай попадут только четырнадцать тысяч человек. Что вы сделали для того, чтобы войти в число избранных?

Повисла благостная пауза, после чего мама коротко всхлипнула, и почернела лицом.

– Дети, я с прискорбием хочу вам сказать, что ваш отец допился до чертов. Прощайтесь с папой, он едет жить в жёлтый дом.

– Не вводи дочерей наших в заблуждение, нерадивая ты дура. – Папа поднял вверх указательный палец, и наставительно сказал: – Я познал истину и проникся благостью. Теперь её познаете и вы.

– Дети, всё гораздо хуже. Ваш папа начал нюхать клей. – Вынесла вердикт мама и заплакала.

Вот так наша семья начала посещать собрания для пизданутых людей, называющих себя свидетелями Иеговы. Под предводительством Машаниных тренеров.

Теперь каждую субботу, вместо мультика «Денвер по-

следний динозавр» нас с Машкой наряжали в парадно-выгребные сапожки, делали нам ровный пробор посреди лысин, и везли в какие-то ебеня на собрание. Там мы пели песню «О, Боже, отец наш нежный! Ты даришь нам радость и тепло-о-о-о! А мы ликуем и веселимся, потому что скоро сдохнем, и увидим твоё доброе лицо-о-о-о» под музыку, которую заряжал в магнитофон Машкин тренер Игорь. А ещё мы по очереди читали в микрофон какую-то книжку, где на каждой странице нарисованы счастливые имбицилы, вроде тех, которые изображены на пакетах сока «Моя семья» – такие розовые, тупые, и все зачем-то держат в руках по овце. Странное представление о загробной жизни, хочется заметить. Я, если чо, мечтала после смерти воспарить к небесам, сесть на облако, и целую вечность харкать на головы своим врагам. А оказывается, после смерти мне сразу дадут овцу, и я должна буду хуйзнает сколько времени таскать её повсюду с собой, и улыбаться. В рай попадать сразу расхотелось. Но мои родители почему-то очень вожделели туда попасть, продолжали таскать меня и Машку на заседания шизофреников, и строго смотрели за тем, чтоб мы с сестрой обязательно пели божественные песни.

И это не всё.

Каждую среду и пятницу оба тренера приходили к нам домой, и два часа читали нам Библию, а потом задавали вопросы, на которые никто не знал ответа. Типа: «Зачем Иаков жёстко отпиздил своего сына, который схавал сраную сливу

из чужого сада, а Бог Иакова наградил и взял его в рай?» Ну и как на это ответить, если я все два часа смотрела в окно, и думала о том, что я скоро вырасту, и сдам обоим своих родичей в дурку? Мама с папой гневались на мою нерадивость, и заставляли ещё два часа читать жития святого Пантелеймона. Короче, от своих родителей я такой хуйни не ожидала никогда, и мы с Машкой уже потихоньку начали пиздить хлеб и баранки, и делать продуктовый запас, чтобы свалить нахуй из дома куда-нить в Африку.

А однажды ко мне пришла подруга Юлька. И пришла, как назло, в среду.

– Привет, лысая девочка! – Заорала с порога Юлька. – Пойдём гулять! Возле седьмого дома мужик дрочит стоит, можно сходить, поржать.

– Здравствуй, Юленька. – В прихожую некстати вышла моя мама. – К сожалению, Лида не выйдет сегодня гулять. Мы Библию читаем.

Юлькины глаза заблестели:

– Библию?! Обожаю, знаете ли, Библию. А можно мне с вами её почитать?

– Ершова, – прошипела я, и наступила Юльке на ногу. – Ты чо? Ты ж кроме букваря сроду ничо не читала.

– И что? – Юлька дёрнула плечом, – мне скучно. А так хоть с тобой посидим, поржём.

В общем, давайте вашу Библию, я вам щас про Моисея читать буду.

– Не надо! Ты можешь пасть жертвой сектантов! – Я попыталась остановить Юльку, но она уже отпихнула меня, и вошла в комнату, где за столом уже сидели папа, оба тренера, и Машка.

– Ты любишь Бога? – Сурово спросил Юльку тренер Игорь, и пробуравил её взглядом.

– Да я всех люблю. – Юлька подмигнула тренеру. – Бога люблю, Моисея люблю, и даже Ваську-соседа, хоть он и мент. В церковь, вот, в воскресенье пойду...

– В церковь?! – Волосы Игоря встали дыбом, – мы не ходим в церковь! Это всё от лукавого! И ментов мы не уважаем. Язычница!

– Сам ты мудака! – Рывкнула Юлька, и перестала подмигивать. – Пришёл тут, блин, с талмудом своим, мозги людям засираешь, кришнаит сраный!

– Юля! – Покраснела моя мама. – Ты что такое говоришь?

– А сколько тебе лет, девочка? – Тихо спросила жена Игоря, и начала потихоньку прятать Библию.

– Четырнадцать.

– Поздно. Тебя не спасти. На челе твоём лежит чёрная отметина.

– Идиотка. Это у меня тушь размазалась. – Юлька плюнула на палец, и потёрла им под глазом.

– Дурная девочка. – Поставил Игорь Юльке диагноз. – Проституткой вырастет наверняка. Не разрешайте ей дружить с Лидой. На сегодня наше собрание закончено, встре-

тимся в субботу.

Но в субботу мы никуда не пошли, потому что папа нажрался на свой день рождения, просил меня станцевать «что-нить для души», я станцевала как умела, и папа впал в кому до понедельника. А в понедельник повёл Машку на карате.

Обратно он вернулся задумчивым и пьяным. Посмотрел на потолок, и сказал:

– Блять.

Я была с ним солидарна, но вслух ничего не сказала. Папа протянул руку ко мне, простучал по моей лысине «Чижи-ка-Пыжика», и сказал:

– Я ебал в рот все эти божественные мероприятия, дети мои. Всё это хуйня.

– Ты пропилил зарплату?! – В прихожую выскочила мама, и в воздухе запахло грозой.

– Нет. – Просто ответил папа. – На тренировке ко мне подошёл Игорь, и спросил какого хуя мы не пришли в субботу на собрание. Я ответил, что у меня была днюха, я ликовал и фестивалил, моя дочь танцевала мне страшные танцы, и больше я ничего не помню.

А Игорь мне сказал, что я пидорас, и что свидетели Иеговы никогда не отмечают днюхи и ваще праздники, и уж тем более не бухают и не фестивалют. А ликовать разрешено только на собраниях, в момент божественных песнопений. После чего как-то само собой я послал егонахуй вместе с его

торжественными заседаниями, и отдал Машку в кружок мягкой игрушки. Пусть учится носки там штопать.

– А как же рай?! – коротко всхлипнула мама, и почернела лицом.

– А мне на хуй не нужен рай, где шляются всего четырнадцать тыщ человек, и все, блять, с овцами. А я овец не люблю, они вонючие. – С вызовом ответил отец, и поднял вверх указательный палец: – И в субботу мы все вместе поедem в парк, просирать мою зарплату на аттракционы и петухов на палочках.

Мы с Машкой довольно улыбнулись, и незаметно харкнули в свои праздничные сапожки.

– Да, и ещё, – папа повернулся ко мне: – Юльку тоже позови. Хорошая девка. Хоть и вырастет, стопудово, проституткой.

Глава четвёртая

Однажды я задумалась. Что, само по себе, уже смешно.

А ведь когда-то, сравнительно совсем недавно, Интернета у нас не было. Пятнадцать лет назад – точно. Компы, правда, были. Железобетонные такие хуёвины с мониторами Ай-БиЭм, которые практически осязаемо источали СВЧ лучи, и прочую радиацию, рядом с которыми дохли мухи и лысели ангорские хомячки. Но у меня, например, даже такой роскоши не было. Зато было жгучее желание познакомиться с красивым мальчиком. Он мне прямо-таки мерещился постоянно, мальчик этот. В моих детских фантазиях абстрактный красивый мальчик Лиды Раевской был высок, брюнетист, смугл, и непременно голубоглаз. Желательно было, чтобы он ещё не выговаривал букву «р» (этот странный сексуальный фетиш сохранился у меня до сих пор), и носил джинсы-варёнки. А совсем хорошо было б, если у нас с ним ещё и размер одежды совпадал. Тогда можно было бы просить у него погонять его джинсы по субботам... В общем, желание было, и жгучее, а мальчика не было и в помине. Не считать же красивым мальчиком моего единственного на тот момент ухажёра Женю Зайкина, который походил на мою фантазию разве что джинсами? Во всём остальном Женя сильно моей фантазии уступал. И не просто уступал, а проигрывал по всем пунктам. Кроме джинсов. Наверное, только поэтому я

принимала Зайкины ухаживания, которые выражались в волочении моего портфеля по всем районным лужам, и наших романтических походах в кино за пять рублей по субботам. На мультик «Лисёнок Вук». В девять утра. В полдень билеты стоили уже дороже, а у Зайкина в наличии всегда была только десятка. Короче, хуйня, а не красивый мальчик.

Если бы у меня тогда, в мои далёкие четырнадцать, был бы Интернет и Фотошоп – я бы через пару-тройку месяцев, непременно нашла бы себе смуглого голубоглазого мачо в варёнках, и была бы абсолютно счастлива, даже не смотря на то, что найденный мною Маугли непременно послал меня нахуй за жёсткое фотошопное наебалово. Но ничего этого у меня не было. Были только Зайкин и моя фантазия. И была ещё газета «Московский Комсомолец», с ежемесячной рубрикой «Школа знакомств». Газету выписывала моя мама, а «Школу знакомств» читала я. Объявления там были какие-то странные. Типа: «Весна. Природа оживает, и возрождается. И в моей душе тоже что-то пытается родиться. Акушера мне, акушера!». Шляпа какая-то. Но, наверное, поэтому их и печатали. Подсознательно я уже догадывалась, что для того, чтобы мой крик души попал на страницы печатного издания, надо придумать что-то невероятно креативное. И я не спала ночами. Я скрипела мозгом, и выдумывала мощный креатив. Я выдавливала его из себя как тройню детей-сумоистов, и, наконец, выдавила. Это были стихи. Это были МЕГА-стихи, чо скрывать-то? И выглядели они так: «Эй, класс-

ные ребята, Кому нужна девчонка, которая не курит, и не храпит во сне? Которой без мужчины жить очень хуевато... Тогда найдись, мальчонка, что вдруг напишет мне!»

Я понимаю, что это очень странные и неподходящие стихи, особенно для четырнадцатилетней девочки, и для девятости третьего года, но на то и расчёт был. И он оправдался.

Через месяц ко мне в комнату ворвалась недружелюбно настроенная мама, и сопроводив свой вопрос увесистой пиздюлиной, поинтересовалась:

– Ты случаем не сдурела, дочушка? Без какого такого мужчины тебе хреновато живётся, а? Отвечай, позорище нашей благородной и дружной семьи!

При этом она тыкала в моё лицо «Московским Комсомольцем», и я возрадовалась:

– Ты хочешь сказать, моё объявление напечатали в газете?! НАПЕЧАТАЛИ В ГАЗЕТЕ??!!

– Да!!! – Тоже завопила мама, и ещё раз больно стукнула меня свёрнутой в трубочку свежей прессой. – Хорошо, что ты не додумалась фамилию свою указать, и адрес домашний, интердевочка сраная! Хоспадя, позор-то какой...

Мама ещё долго обзывалась, и тыкала меня носом в моё объявление, как обосравшегося пекинеса, а мне было всё равно. Ведь мой нерукотворный стих напечатали в ГАЗЕТЕ! И даже заменили слово «хуевато» на «хреновато». И это главное. А мама... Что мама? Неприятность эту мы переживём.

... Через две недели я, с мамой вместе, отправилась в редакцию газеты «Московский Комсомолец», чтоб забрать отзвывы на мой крик души. Мне был необходим мамин паспорт, а маме было необходимо посмотреть, чо мне там написали озабоченные мужчины. На том и порешили. Из здания редакции я вышла, прижимая к груди пачку писем. Мы с мамой тут же сели на лавочку в какой-то подворотне, и пересчитали конверты. Их было тридцать восемь штук.

– Наверняка, это старики-извращенцы. – Бубнила мама, глядя, как я зубами вскрываю письма. – Вот увидишь. Щас они тебе будут предлагать приехать к ним в гости, и посмотреть на живую обезьянку. А ты ж, дура, и поведёшься! Дай сюда эту развратную писульку!

– А вот фигу! – Я ловко увернулась от маминых заботливых рук, и вскрыла первый конверт.

«Здравствуй, Лидунчик! Я прочитал твои стихи, и очень обрадовался. Я тоже люблю писать стихи, представляешь? Я пишу их с пяти лет уже. Вот один из них:

Любите природу, а именно – лес, ведь делает он миллионы чудес, поймите, меня поражает одно: Ну как вам не ясно, что лес – существо? Да-да, существо, и поймите, живое, ведь кто вас в дороге укроет от зноя? Давайте проявим свою доброту, давайте не будем губить красоту! Вот такой стих. Правда, красивый? Жду ответа, Тахир Минажетдинов, 15 лет». Я хрюкнула, и отдала письмо маме. Мама перечитала его трижды, и просветлела лицом:

– Вот какой хороший мальчик этот Тахир. Природу любит, стихи сочиняет. Позвони ему. А остальные письма выброси. Я прижала к себе конверты:

– Что-то, мать, кажется мне, что этот поэт малость на голову приболевший. Ну его в жопу. Надо остальное читать. Распечатываю второе письмо: «Привет, Лидунчик! У меня нет времени писать тебе письма, лучше сразу позвони. Это мой домашний номер. Звони строго с семи до девяти вечера, а то у меня жена дома. Уже люблю тебя, Юра».

– Какой аморальный козёл! – Ахнула моя мама. – Изменщик и кобель. Ключнул на маленькую девочку! Там его адрес есть? Надо в милицию позвонить срочно. Пусть они его на пятнадцать суток посадят, пидораса!

– Педофила. – Поправила я маму, а она покраснела, и отвернулась.

– И педофила тоже. Что там дальше?

А дальше были письма от трёх Дмитриев, от пяти Михайлов, от одного Володи, и от кучи людей с трудновыговариваемыми именами типа Шарпутдин Муртазалиев. И всем им очень понравилась я и мои стихи. И все они вождели меня увидеть. Я сердцем чувствовала: среди них обязательно найдётся голубоглазый брюнет в варёнках, и мы с ним непременно ходим в субботу на «Лисёнка Вука», и не в девять утра, как с нищеёбом Зайкиным, а в полдень, как взрослые люди. А может, мы даже кино индийское посмотрим, за пят-

надцать целковых.

Домой я неслась как Икар, по пути придумывая пламенную и непринуждённую речь, которую я щас буду толкать по телефону выбранным мной мужчинам. За мной, не отставая ни на шаг, неслась моя мама, и грозно дышала мне в спину:

– Не вздумай с ними встречаться! Наверняка они тебе предложат посмотреть на живую обезьянку, и обманут!

Моя дорогая наивная мама... Я не могла тебе сказать в лицо, что я давно не боюсь увидеть живую обезьянку, потому что уже три раза видела живой хуй на чёрно-белой порнографической карте, дома у Янки Гущиной. Поэтому я была просто обязана встретиться хотя бы с двумя Димами и парочкой Михайлов!

...К встрече я готовилась тщательно. Я выкрала у мамы колготки в сеточку, а у папы – его одеколон «Шипр». Затем густо накрасилась, нарисовала над губой чувственную родинку, и водрузила на голову мамин парик. Был у моей мамы такой идиотский блондинистый парик. Она его натягивала на трёхлитровую банку, и накручивала на бигуди. Носила она его зимой вместо шапки, а летом прятала банку с париком на антресоли. Чтоб дочери не спиздили. А дочери его, конечно, спиздили. Десятилетняя сестра тоже приняла участие в ограблении века, получив за молчание полкило конфет «Лимончики» и подсрачник.

На свидание я пришла на полчаса раньше, и сидела на лавочке в метро, украдкой почёсывая голову под париканом и

надувая огромные розовые пузыри из жвачки. Этим искусством я овладела недавно, и чрезвычайно своим достижением гордилась.

Ровно в час дня ко мне подошёл сутулый гуимплен в клетчатых брюках, и спросил:

– Ты – Лида?

Я подняла голову, и ухватила за чёлку сползающий с головы парик:

– А ты – Миша?

– Да. – Обрадовался квазимодо, и вручил мне три чахлые ромашки. – Это тебе.

– Спасибо. А куда мы пойдём? – Беру ромашки, и понимаю, что надо уже придумать какую-нить жалостливую историю про внезапный понос, чтобы беспалева убежать домой, и назначить встречу одному из Дмитриев.

– Мы пойдём с тобой в Политехнический музей, Лида. Там мы немного полюбуемся на паровую машину. Затем мы поедем с тобой к Мавзолею, и посмотрим на труп вождя, а после...

Я посмотрела на ромашки, потом на Мишу, потом на его штаны, и стянула с головы парик:

– Миша, я должна тебе признаться. Я не Лида. Я Лидина подружка Света. Мы тебя наебали. Ты уж извини. А ещё у меня понос. Прости. Что там ответил Миша – я уже не слышала, потому что на предельной скорости съебалась из метро. Парик не принёс мне счастья и осуществления моей

мечты. Поэтому на второе свидание я пошла уже без парика, и на всякий случай без трусов. Зато в маминой прозрачной кофте, и в мамином лифчике, набитым марлей и папиными носками. Сиськи получились выдающегося четвёртого размера, и палил меня только папин серый носок, который периодически норовил выпасть из муляжа левой груди. Юбку я надевать тоже не стала, потому что мамина кофта всё равно доходила мне до колен. Колготки в сеточку и папин одеколон довершили мой образ, и я отправилась покорять Диму с Мосфильмовской улицы.

Дима с Мосфильмовской улицы опаздывал как сука. Я вспотела, и начала плохо пахнуть. Надушенными мужскими носками. Я волновалась, и потела ещё сильнее. А Дима всё не приходил. Когда время моего ожидания перевалило за тридцать четвёртую минуту, я встала с лавочки, и направилась к выходу из метро. И у эскалатора меня настиг крик:

– Лида?

Я обернулась, и потеряла один папин носок. Когда окликнувший меня персонаж подошёл ближе, я потеряла ещё один носок, а так же часть наклеенных ресниц с правого глаза.

Это был ОН! Мой смуглый Маугли! Моя голубоглазая мечта в варёнках! Мой брюнет с еврейским акцентом!

– Зд`гавствуй, Лида. – сказал ОН, и я пошатнулась. – Ты очень к`гасивая. И у тебя шика`гная г`удь. Именно такой я тебя себе и п`геставлял. Ты хочешь чего-нибудь выпить?

Больше всего на свете в этот момент мне хотелось выпить

его кровь, и сожрать его джинсы. Чтобы он навсегда остался внутри меня. Потому что второго такого Диму я уже не встречу никогда, я это просто чувствовала. Но поделиться с ним своими желаниями я не могла. Поэтому просто тупо захихикала, и незаметно запихнула поглубже в лифчик кусок неприлично красной марли, через которую моя мама перед этим процеживала клюквенный морс.

Мы вышли на улицу. Июньское солнце ласкало наши счастливые лица, и освещало мою вожделенную улыбку и праздничный макияж. Мы шли ПИТЬ! Пить алкоголь! Как взрослые! Это вам не лисёнок Вук в девять утра, блять! От нахлынувшего счастья я забыла надуть крутой пузырь из жвачки, и потеряла ещё один папин носок. Мою накладную грудь как-то перекосило.

В мрачной пивнушке, куда мы с Димой зашли, было темно и воняло тухлой селёдкой.

– Ноль пять? Ноль т`ги? – Спросил меня мой принц, а я ощерилась:

– Литр!

– К`гасавица! – Одобрил мой выбор Дима, и ушёл за пивом.

Я стояла у заляпанного соплями пластмассового столика, и возносила хвалу Господу за столь щедрое ко мне отношение.

– Твоё пиво! – Поставил литровый жбан на стол Дима, а я покраснела, и попросила сухарь.

– Сухагей принесите! – Крикнул Дима куда-то в темноту, и к нам подошла толстая официантка, по мере приближения которой я стала понимать, отчего тут воняет тухлой селёдкой. – Гызи на здоговье. Ты чем вообще занимаешься? Учишься?

– Учусь. – Я отхлебнула изрядный глоток, и куснула сухарь. – Я учусь в колледже.

Врала, конечно. Какой, нахуй, колледж? Если я в восьмой класс средней школы перешла только благодаря своей учительнице литературы, которой я как-то помогла довести до её дачи помидорную рассаду.

– Колледж? – Изумился Дима, и незаметно начал мять мой лифчик с носочной начинкой. – ты такая умница, Лидочка... Такая мяконькая... Очень хочется назвать тебя...

– Прошмандовка!

Я вздрогнула, и подавилась сухарём. Дима стукнул меня по спине, отчего у меня расстегнулся лифчик, и на пол пивнушки посыпались папины носки, красная марля, и один сопливый носовой платок. Дима прикрыл открывшийся рот рукой, судорожно передёрнул плечами, и выскочил из питейного заведения.

– Ты что тут делаешь, паразитка?! – Из темноты вынырнула моя мама, и её глаза расширились, когда она увидела литровую кружку пива в тонких музыкальных пальчиках своей старшей дочурки. – Ты пьёшь?! Пиво?! Литрами?! С кем?! Кто это?! Он показывал тебе обезьянку?! Подонок и пидо-

рас! И педофил! И... И... Это был Юра, да?!

– Мам, уйди... – Прохрипела я, пытаюсь выкашлять сухарь, и параллельно провожая глазами Димину попу, обтянутую джинсами-варёнками. – Это был Дима. Это был Дима с Мосфильмовской улицы, ты понимаешь, а?

Сухарь я благополучно выкашляла, и теперь меня потихоньку поглощала истерика и душевная боль.

– Ты понимаешь, что ты мне жизнь испортила? Он больше никогда не придёт! Где я ещё найду такого Диму?! Я сегодня же отравлюсь денатуратом и пачкой цитрамона, а виновата будешь ты!

Мама испугалась, и попыталась меня обнять:

– Лида, он для тебя слишком взрослый, и похож на Будулая-гомосексуалиста.

– Отстань! – Я скинула материнскую руку с плеча, и бурно разрыдалась: – Я его почти полюбила, я старалась нарядиться по красивше...

– В папины носки и мою кофту?

– А тебе жалко? – Я взвыла: – Жалко стало пары вонючих носков и сраной кофты?

– Не, мне не жалко, ты что?

– На Будулая... Много ты понимаешь! Он был похож на мою мечту, а теперь у меня её нету! Можно подумать, мой папа похож на Харатьяна! Всё, жизнь кончена.

– Не плачь, доча. Видишь – твоя мечта сразу свалила, и

бросила тебя тут одну. Значит, он нехороший мужчина, и ему нельзя доверять.

– Он мне лифчик порвал...

– Откуда у тебя? А, ну да. И хрен с ним, с лифчиком, Лида. Хорошо, что только лифчик, Господи прости.

– Ик!

– Попей водички, полегчает. Девушка, литр минералки принесите.

– Ик!

– Всё, не реви. Щас водички хлебнёшь, успокоишься, и пойдём звонить остальным твоим поклонникам. У нас ещё тридцать шесть мужиков осталось. Чо мы, нового Диму тебе не найдём, что ли? Попей, и успокойся.

Вечером того же дня я позвонила своей несбывшейся мечте, и сказала ей:

– Знаешь что, Дима? Пусть у меня ненастоящие сиськи, и пусть от меня пахнет как от свежевыбритого прапорщика, зато я – хороший человек. Мне мама поклялась. А вот ты – ссыкливое фуфло, и похож на Будулая-гомосексуалиста. Мама тоже этот факт особо отметила. И, хотя мне очень больно это говорить, пошёл ты в жопу, пидор в варёнках!

– Как раньше люди жили без Интернета? Как познакомились, как встречались, как узнавали до встречи у кого какие размеры сисек-писек?

– А никак. Когда не было Интернета – была газета «Московский Комсомолец», которую выписывала моя мама, и

рубрика «Школа знакомств», в которую я больше никогда не писала объявлений.

– Но, если честно, мне иногда до жути хочется написать письмо, а потом две недели ждать ответа, и бегать к почтовому ящику.

– А когда я в последний раз получала письмо? Не электронное, а настоящее? В конверте. Написанное от руки.

– Не помню.

– А вы помните?

– Я храню все эти тридцать восемь писем, и ещё несколько сотен конвертов, подписанных людьми, многих из которых уже не осталось в живых. Их нет, а их письма у меня остались... И пока эти письма у меня есть, пока они лежат в большом ящике на антресолях – я буду о них помнить. Буду помнить, и надеяться, что кто-то точно так же хранит мои...

Пишите письма.

Глава пятая

А скоро Новый Год. На пятачках, огороженных забором из кое-как сбитого штакетника будут продавать ёлки. Тридцать первого декабря, в этом ёлочном загоне останутся только две лысых ёлки, и пьяный продавец, наряженный Петрушкой. Он будет пьян и великодушен, поэтому разрешит бабушкам, одетым в коричневые пальто с кошачьими воротниками, собрать с земли хвойные ветки. Он разрешит им забрать их бесплатно. Потому что через три часа наступит Новый Год. Всем в эту ночь хочется почувствовать себя немножко Дедом Морозом. «Берите, клячи, – скажет Петрушка, махнув рукой, – вон в том углу ещё посмотрите, там хорошие ветки лежат». И старушки, лопоча «Дай Бог тебе здоровья, сынок», начнут подбирать колючие ветки сухонькими ручками в синих варежках-самовязах... И через три часа на Спасской башне начнут бить куранты, а миллионы человек поднимутся из-за стола, заставленного салатами и тарелками с лоснящимися кружочками сырокопчёной колбасы, чтобы стоя войти в новый год. Миллионы просьб и желаний выстрелят в космос. «Хочу, чтобы в этом году Вася на мне женился». «Хочу, чтобы хоть в этом ходу он сдох, сука, как он меня достал». «Хочу, что бы мне подарили собачку». «Хочу выздороветь и прожить хотя бы ещё один годик»... И с последним, двенадцатым ударом часов, миллионы глоток

завопят «Ура!», и кинутся к мобильным телефонам, чтобы успеть дозвониться до своих близких, пока сеть наглухо не зависла. «Мама, с Новым Годом! Поправляйся...», «Серёга, давай, рули скорее, мы тебя ждём!». «Сыночек, я тебе желаю...». «Папа, а почему ты ко мне не приехал?»

В час ночи ты оглохнешь от непрерывных взрывов петард и салютов за окном и от визга автомобильных сигнализаций. Ты даже присоединишься к ним. Ты выйдешь на улицу, и подожжёшь фитиль китайской ракеты, которая будет долго искрить, дымить, вонять, а потом неожиданно рванёт вбок, и замечется по непредсказуемой траектории. Женские визги, хлопки открываемых бутылок Советского шампанского, и ощущение всенародного единства. «С Новым Годом, брат!» – кричат тебе незнакомые пьяные подростки, а ты угощаешь незнакомую пьяную девушку своим Советским шампанским, и вы целуетесь «на брудершафт». Потом до утра песни в караоке, танцы под Сердючку, с беготнёй на лестничную клетку, что бы покурить. На лестнице, в клубах сизого дыма, ты видишь свою соседку Маринку, с красным лицом, в боа из мишуры, и её гостей. И ты кричишь им «С Новым Годом!», а они тебе в ответ «И тебя тоже, брат! Счастья, здоровья и бабла!» В шесть утра ты, смутно понимая зачем всё это нужно, пинаешь этих «братьев» ногами, всё на той же лестничной клетке, и Маринка визжит на весь подъезд, а у тебя в ушах стоит грохот давно взорванных петард, и в глазах блики от Маринкиной мишуры. И всё вертится,

вертится, вертится...

* * *

А скоро Новый Год. Уже два дня в доме пахнет мандаринами. Мама их купила целую большую сумку, и спрятала на балконе. Иногда можно незаметно утащить оттуда две штучки – себе и сестрёнке, и быстро их съесть, запихнув оранжевые мясистые шкурки под кровать.

В большой комнате, в углу стоит ёлка. Её принёс папа три дня назад, и мы все её наряжали. Мама достала с антресолей большую коробку из-под сапог, перевязанную бечёвкой, в которой, утонув в вате, лежат хрупкие стеклянные шары и фигурки. Вот эту белку мне подарили в детском саду. За победу в каком-то конкурсе на утреннике. А вот это – царь. Все знают, что это мамин царь. Он старый совсем, и с дыркой на боку. Но мама всегда его вешает на самое видное место. Потому что этот царь старше её самой, как она говорит. И гирлянда у нас есть. Перепутанная вся. Мы её распутываем осторожно, и вешаем на ёлку. А потом папа выключает свет, и включает гирлянду в розетку. Сначала ничего не происходит, долго так. Сидим в темноте, и дышим. И вдруг гирлянда начинает мигать, освещая ватного Деда Мороза, стоящего на белой простыне под ёлкой, который тоже старше моей мамы, и наши с сестрой лица. У Машки оно то красное, то зелёное. У меня, наверное, тоже.

Сегодня с самого утра мама с папой торчат на кухне, и что-то готовят. Слышится стук ножей о разделочную доску, и голоса «Проверь холодец на балконе, может, его пора в холодильник поставить?», «Ты курицу целиком запекать будешь или мариновать?» и «Ну, вот куда ты это положил, а? Сдурел? Я на ней фрукты режу, а он – селёдку!» По телевизору показывают «Чародеи» и рыженькая девочка поёт про три белых коня. На улице ещё светло, а дома скучно. На кухню с запотевшими окнами меня не пускают, чтобы не мешалась. Начинаю ныть и капризничать. Получаю шлепок по заднице от мамы, а папа откладывает в сторону половину селёдки, моет руки, и берёт меня за плечо: «Доставай коньки, и помоги Маше одеться». Визжу и бегу по коридору, путаясь в сползших, не моего размера, колготках, и кричу «Машка, мы на каток щас пойдём!»

Машка совсем не умеет кататься на коньках, два раза упала, надулась, и папа отнёс её на лавочку, где начал молча снимать с неё коньки, отчего Машка ещё больше надулась, а потом заревела. Совсем незаметно стемнело. Значит, скоро Новый Год. Папа машет мне рукой, и я подкатываюсь к лавочке, с готовностью протягиваю папе ногу в коньке, и, держась за папину шею, жду, когда он наденет синие пластмассовые чехлы на лезвия. Если б с нами не было папы, я бы ни за что не надела чехлы. Я бы доковыляла до кусочка асфальта возле канализационного люка, и била бы по нему коньком, чтобы искры летели. Как у Серебряного копытца. Один раз

папа это увидел, и наказал меня. Я месяц не ходила на каток. В следующий раз буду выбивать искры подальше от своего дома. За Иркиным домом тоже есть люк с асфальтом.

Дверь нам открывает мама. У неё на голове бигуди, и накрашен один глаз. В руке она держит коробочку с тушью для ресниц, в которую плюёт, и возюкает там щёточкой. Мне всё время хочется сделать так же. Плюнуть и повозюкать. Но мама всегда забирает свою косметичку, когда уходит на работу. Мама смотрит на нас с Машкой, и ругает папу. «Они ж все мокрые как мыши! Зачем ты им разрешил валяться в снегу? Я только-только с больничного! Щас опять обе заболеют, а кто с ними сидеть будет?!» Папа молча помогает нам снять коньки, а мама машет своей щёточкой, и убегает в ванную докрашивать второй глаз. Из ванной слышно мамино «Тьфу!». И непонятно: то ли она в тушь плюнула, то ли на папу рассердилась. Отсюда не видно.

Мы с Машкой наряжаемся в костюмы. Я как будто бы Красная шапочка, а Машка как будто бы снежинка в короне. Я тоже корону хочу, но у меня уже красная шапочка на голове. Придумываю, как бы сверху надеть эту корону на шапочку, чтобы ничего не свалилось. Накрашенная на оба глаза мама в бигудях, бегают по квартире с тарелками. Мы с Машкой незаметно таскаем с них колбасу. Для себя и собаки Мишки. А плешь на тарелке с колбасой старательно маскируем укропом. Очень хочется есть.

По комнате нервно ходит папа в сером костюме, дёргая

себя за галстук, и косясь на бутылку водки. Папа сегодня напѣтся и будет смешно танцевать, сгибая колени. Мы с Машкой всегда смеѣмся когда он так танцует. Мы водку не пѣем. Для нас мама купила много бутылочек с Тархуном, Буратиной и Лесной ягодой. Буратину можно налить во «взрослые» хрустальные фужеры, думать что это шампанское, а потом изображать из себя пьяных, и танцевать на полусогнутых ногах.

Заходит мама, смотрит на часы, и говорит: «Проводим Старый Год». Мы с Машкой сразу принимаемся за колбасу, чтобы мама не заметила плешь под укропом. Кричим «Мне Тархун», «А мне Буратину», «Тогда мне тоже Буратину!», «А что ты за мной всё повторяешь? Пей свой Тархун!». По телевизору опять показывают «Чародеи», только по другому каналу. Мы с Машкой уже наелись, и уже хочется подарков. Но мы сидим, и молчим. И тоже смотрим «Чародеев».

Когда на экране вдруг появилась Кремлёвская стена, куранты, и круглая крыша с красным флагом – мама закричала «Слава, выключай свет скорее!». Папа выключил свет, зажѣг гирлянду, и на экране появилось лицо Горбачёва с синяком на лысине. Он непонятно говорил, а мама с папой слушали, держа в руке бокалы с шампанским. И мы с Машкой тоже встали, и подняли свои фужеры с Буратиной. А потом начали бить куранты, а мама сказала «Скорее загадывайте желание!» Я загадала себе куклу Джульетту и магнитофон, а Машка, это и так понятно, железную дорогу. Я очень быстро

всё загадала, а куранты всё били и били. Стало жалко, что у меня больше нет желаний, и я быстро загадала ещё, чтобы все люди в мире никогда не болели. Только я загадала про всех людей – по телевизору запели «Союз нерушимый республик свободных». Я тоже запела. У меня на всех школьных тетрадках этот гимн написан на задней обложке. Я все слова наизусть знаю. Папа включил свет, и крикнул «Ура!», и мама крикнула. И мы с Машкой тоже. Хотели чокнуться своим Буратиной с родителями, а они не разрешили. Машка шепнула мне на ухо: «А сейчас будут подарки», и мы посмотрели на папу. Папа подёргал себя за галстук, прислушался к чему-то, и вдруг схватил меня за руку: «Побежали! Я слышу, что на лестнице кто-то есть! Это Дед Мороз!» Мы побежали. Машка корону уронила, а у меня шапочка упала, но я её подобрала. На лестнице никого не было. Мы посмотрели на папу, а он тащил нас по лестнице наверх. «Он выше убежал, догоняйте!» Мы добежали со второго этажа до девятого, но Деда Мороза не нашли. Машка заревела, а я сдержалась. Открылись двери лифта. Это папа за нами приехал. «Что, говорит, – упустили Деда Мороза? А он уже успел к нам домой зайти, и подарки вам оставить. Быстрее в лифт».

Машка плакать перестала, а я подумала, что папа всё врёт. Не мог Дед Мороз так быстро от нас убежать, и вернуться к нам домой с подарками. Но папа не обманул. В комнате была настежь распахнута балконная дверь, и на паласе лежал настоящий снег, на котором отпечатались человеческие

следы! А под ёлкой лежал серый мешок, и в нём что-то было! Я потрогала снег на полу, и спросила маму: «Это правда Дед Мороз приходил?», а мама сказала: «Конечно. Вы только убежали – и вдруг распахивается балконная дверь, метель такая, что не видно ничего, и Дед Мороз появился. В валенках и с мешком. Говорит: «А где же Маша с Лидой?» Я ему говорю: «Дедушка, а они на лестнице тебя ищут», а Дед Мороз извинился, сказал: «Эх, не успею я с ними повидаться, меня другие детишки ещё ждут», и ушёл». И я сразу очень ясно представила себе и метель эту, и Деда Мороза с мешком. Снег на паласе растаял уже, а я запомнила какие там следы были. Это точно от валенок.

Машка уже мешок развязала, и теперь сопит, и роется в нём. Я тоже полезла. Машку толкаю, а она меня отталкивает. Только мы всё равно поняли кому какой подарок. Мне – куклу Джульетту, а Машке железную дорогу. Ха, а Ирка говорит, что Дед Мороза не существует, и подарки дарят мама с папой. Всё она врёт. Мама с папой даже не знали, что мы с Машкой загадали под бой курантов. Только магнитофона нету почему-то. Наверное, на следующий год подарит. Когда я подрасту. Всё равно у меня даже кассет никаких нету, чтобы музыку слушать...

* * *

А скоро Новый Год. Скоро надо будет ехать в «Метро», и

коробками закупать шампанское, водку, колбасу, консервы. Надо будет позвонить Машке, она мне всегда икру хорошую через мужа достаёт. Платье своё белое, в котором я летом на свадьбе у Женьки была, достать надо. По-моему, там пятно. В химчистку отдать нужно, если не забуду. Надо определиться где я Новый Год встречать буду: дома, в гостях, или на даче. Чулки купить нужно, и туфли откопать белые. Не помню, куда я их сунула. Ирке позвонить не забыть бы. Она мне рецепт салата дать обещала. Список подарков составить, чтобы никого не забыть. Сыну – MP3 плеер, Машке – игрушечный мотоцикл, для её коллекции, маме – духи и новую тушь, она намекала стеснительно, а папе... А папе я подарю этот рассказ.

Я подарю ему его по телефону, ровно в полночь. Пока бьют куранты, и играет гимн России. Я буду ему читать это с листа, и сдерживаться, чтобы не заплакать.

Как тогда. Двадцать три года назад. На лестнице. На девятом этаже.

Когда мне всего на одну секунду показалось, что папа может меня обмануть...

Глава шестая

– Озеро! Смотри, бабушка, какое большое-пребольшое!

– Да где ж оно большое, Лидок? Погляди, его даже собачка переплыла. Видишь?

– Где собачка?

– А во-о-он она плывёт. Маленькая совсем, чёрная. Видишь? За пальцем моим смотри.

– Вижу! А это собачка бездомная или чейная?

– Нет такого слова, Лида. Есть «чья-то».

– А чья собачка?

– Наверное, того дяденьки, который с удочкой на берегу сидит.

– Он рыбку ловит, да?

– Да, рыбку.

– А поближе к нему подойти можно? Я хочу посмотреть.

– Ну, если дяденька не рассердится, тогда можно, наверное. Пойдём.

Прошлой весной моему дедушке бесплатно дали шесть соток. Интересно, что это такое? И – много это или мало? И куда он их дел? Почему мне не показал? Бабушка говорит, что теперь у нас будет дача. Когда-нибудь. Если она доживёт до этого дня. Так и говорит: «Дед, из тебя строитель как из меня космонавт Гагарин. Что ты носишься, суетишься? Ты сядь, Юра. План начерти, смету прикинь. Шабашников,

опять же, искать где-то нужно. Крышу кто будет класть? Ты? Славик? Ну что ты кричишь на меня? Нет, я не доживу до того дня, когда на этом болоте ты построишь хотя бы сарай».

Очень непонятно бабушка говорит. Что такое шабашники? Где их нужно искать? Почему меня не попросят помочь? Я бы, может, их первой нашла. Вдруг они совсем маленькие, эти шабашники? Бабушке и дедушке их искать трудно, а мне – в самый раз. У меня очень хорошие глаза, дедушка сам говорил. Как потеряет дома что-нибудь маленькое – так всегда меня зовёт. «Лидуша, – говорит, – ну-ка, погляди своими глазками молодыми: я тут где-то иголку на пол обронил». И я смотрю на пол, на ковёр красный, с узорами – и сразу вижу: вот она, иголка дедушкина! Я же молодая совсем, всё-всё вижу, замечаю. Я б и шабашников сразу им нашла, если бы знала что это такое. Но разве ж они скажут мне, бабушка с дедушкой?

Они ругались долго, но совсем не страшно. Вот у нас дома, в Москве, на первом этаже живёт дядя Федя. Мама говорит, что он пьяница и бабник. Что такое бабник, я не знаю. А пьяница – это человек, который шатается, у него плохо изо рта пахнет, а ещё пьяница громко ругается плохими словами на букву «Б», «П» и ещё «Х». И может побить. Я сама почти видела, как дядя Федя бил тётю Свету. Тётя Света старая уже, у неё внук есть, Серёжка. Значит, она уже бабушка. Но пьяница тоже. Они с дядей Федей вместе шатаются, говорят плохие слова, и иногда дядя Федя её бьёт. Я сама не видела,

я слышала только. Мы же прям над ними живём. Бывает, грохот такой слышу, стекло как будто разбивают, тётя Света кричит громко, а мама мне уши затыкает, и говорит тихо очень: «Господи, когда ж они там друг друга уже поубивают, а? Алкашня». Она тихо говорит очень, а я всё слышу. У меня потому что уши тоже молодые. Всё-всё слышу.

У мамы большой живот, который иногда шевелится. По вечерам мне разрешают его погладить и послушать. Вот мама мне не верит, а я правда слышу как внутри живота кто-то икает. У меня скоро будет братик. Или сестрёнка. Лучше б, конечно, братик. Он тогда не будет в мои куклы играть, у него другие будут игрушки. Солдатики, машины и, может быть, пистолет с пистонами. Я всегда такой хотела, но мне почему-то дарят только кукол. А пистолет, говорят, надо только мальчикам дарить. Вот будет у меня братик, купят ему пистолет, а я буду у него просить разрешения пострелять. Чтоб дымок такой вкусный был. Я иногда на улице ленточки от пистонов нахожу, и собираю. Их ещё нюхать можно, они дымком пахнут вкусно.

А дедушка с бабушкой ругались совсем не так как дядя Федя с тётей Светой. «Дурень старый, – говорит бабушка, – куда ты размахнулся? Шифер, кирпич, утеплитель... Участок поднимать нужно, там вода по пояс. Песок возить надо прежде. Пять-шесть машин. А потом уже о шифере думать, бестолковка». А дедушка, выписывая на листе бумаги какие-то синие закорючки, бранился: «Обожди. Куда ты ле-

зешь со своими советами? Я сам знаю про песок, не надо меня учить. Что ты вообще подглядываешь, а? Встанет за спиной, и вот смотрит, смотрит... Я для себя пишу, тебе не понять». «Ну-ну, – смеётся бабушка, – давай, пиши, писатель. Ничего тебе не скажу больше. Ты только во-о-о-ту строчку вычеркни. Которая: «Топор – пять штук». Дровосек лысый». Дедушка хмурится, потом тоже как засмеётся, и бабушку по руке гладит: «Лысина – это у меня из-за тебя. Шутка ли, почти сорок лет с тобой прожил. У меня даже нога деревянная».

Это дед обманывает, конечно. Или шутит. Мы же все знаем, что ногу он на войне оставил. Зачем войне дедушкина нога нужна – не знаю. Но нет у деда ноги. Есть такая ненастоящая, кожаная, с железяками. Она скрипит. Дед её дома за шторой прячет, а сам на костылях прыгает, да так ловко. Я один раз ногу за шторой увидела – испугалась. Маленькая ещё была, глупая. Сейчас-то я знаю, что это игрушечная нога, её бояться не нужно. Это дед с войной поменялся так. Он ей настоящую ногу отдал, а она ему – игрушечную, красивую. Хорошо поменялся. Такой ноги больше ни у кого нету. Наверное, деду все завидуют теперь. А он говорит, что эта нога у него из-за бабушки. Вот смешной! Думает, что я поверю.

В общем, нет у нас пока никакой дачи. Есть лес, озеро рядом есть, и маленький домик деревянный. Там тесно, и очень

много вещей разных. Я там, например, старый половник нашла. Настоящий, не игрушечный. Я теперь из песка и воды кашу варю, и настоящим половником её зачерпываю. В домике мы с бабушкой спим, пока дедушка с моим папой опять что-то строят. Наверное, дачу. И вообще, вокруг все строят дачи. Через дорогу тоже что-то строят. И живут в палатке. Я никогда не была в палатке, а очень хотелось. Я бабушке сказала, а она меня за руку взяла, и сказала: «Ну, пойдём с соседями знакомиться. Там у них мальчик бегаёт, твой ровесник. Вот и будет тебе друг». И мы пошли к соседям. Они меня пустили в палатку, и ещё познакомили с Ванькой. Он мальчик, но у него нету пистолета с пистонами. Может, он ненастоящий мальчик? Надо у бабушки спросить. Но теперь у меня есть друг. Я показала ему свой половник, а он мне показал большой гвоздь. И сказал, что это не гвоздь, а костыль. Вот врун какой. А то как будто бы я не знаю, что такое костыль. У дедушки моего есть даже два костыля. Вот какой врун этот Ванька.

Мой дедушка когда-нибудь построит эту дачу, и мы сюда приедем с моим братиком, и с пистолетом. И я Ваньке пострелять не дам. Даже если очень попросит. Не дам, потому что врать нехорошо. Только, жалко, бабушка не доживёт до этого дня, когда дед построит дачу.

Она сама так сказала. А бабушка моя никогда не обманывает. Она хорошая, бабушка моя...

– Мам, смотри какое озеро! Почти как море!

– Андрюш, да где ж оно большое-то? Переплунуть можно. Это и не озеро даже, а так, прудик.

– А купаться тут можно?

– Лучше не надо. Его лет двадцать никто не чистил. Бог его знает, что там на дне.

– А вот собачка плавает, смотри, мам! Во-о-о она пльвёт!

– Где?

– Эх, мама, ничего ты не видишь. Глазки у тебя уже старенькие, наверное. Вот же она, собачка.

– И правда, собачка. Не заметила.

– Мам, а это собачка чейная или сама по себе.

– Нет такого слова в русском языке. Есть «чья-то»...

Что-то в голове щёлкнуло вдруг. Мысль оборвалась, так и не начавшись.

– Мам, ты чего?

– Ничего. Погляди, Андрюш, вон тот дядя на берегу рыбку ловит? Или просто сидит? У тебя глазки молодые, ты всё-всё видишь...

– Ловит, мам. У него и ведёрко рядом стоит. А можно подойти к нему тихонечко, посмотреть, сколько он рыбки наловил?

– Ну, давай подойдём, посмотрим. Если дядя не рассер-

даться. Посмотрим, и домой пойдём, обедать.

– А на обед у нас что?

– Не знаю, Дюш. Сегодня Машаня у нас кашеварит. Что она там приготовит – то и съедим.

Возвращаемся домой, на дачу. Огибая лесное озеро, по земляничной поляне. Долго идём. Сын землянику собирает, низывает ягоды на травинку, высунув от усердия язык.

– Не ешь ничего! – Кричу, и комара на руке прихлопываю, обедать не станешь. Машка тебе таких пистонов вставит.

Пистоны... Задумалась. Улыбнулась.

– Андрюш! – Рукой машу, к себе подзывая, – иди сюда. Не хочешь после обеда в город со мной сходить? Я газет хотела купить, и тебе игрушку какую-нибудь. Пистолет с пистонами хочешь?

– Неа. – Подбежал уже, и тут же на корточки опустился. – Мам, отойди, ты на таком месте ягодном стоишь. Купи мне лучше мяч футбольный.

– Хорошо.

Шаг в сторону делаю.

Улыбка почему-то пропала. Стекла с лица вниз, опустив уголки губ.

– Хватит, Андрей. Пойдём домой, Машка уже звонила, ругается.

Идём дальше. Вдоль шоссе. Мимо дачного посёлка «Салют». Это не наш посёлок, наш дальше. Мимо Ванькиного дома.

– Купаться ходили? – Ванькина жена, Татьяна, кричит из-за забора.

– Гуляли просто, землянику собирали. А Иван где?

– Да на рыбалку попёрся. Сашку взял, в машину сел, сказал, чтоб до вечера не ждали – и уехал.

– Жаль. Я б Андрюшку с ними отправила бы. Завтра он никуда не собирается?

– А кто ж его знает? Ты вечерком зайди к нам, договорись заранее.

– Спасибо, Тань.

– Да не за что. Вы заходите вечерком, с Андрюшкой. Дети поиграют, а мы посидим, потрещим. Ну и, того... – Татьяна понижает голос, и выразительно щёлкает себя пальцами по горлу.

Киваю.

– Зайдём. Да, сын?

– Нет. – Андрей упрямо опустил голову. – К Сашке не пойду. Он врун. Он говорит, что костыль – это такая хреновина, которую инвалиды себе подмышки суют как градусник. А костыль – это такой здоровенный гвоздь, которым шпалы на железной дороге прибивают. Вот зачем он врёт?

Прижимаю ладони к щекам, надавливаю пальцами на глаза, и шумно выдыхаю:

– Он не врёт, Дюш. И то, и другое – это всё костыль.

– Так не бывает.

– Бывает. Я тебе потом расскажу. А к Саше ты сегодня

пойдёшь. Потому что я так сказала. Вопросы есть?

– Есть. Это с нашего участка горелым воняет?

– Мать твою, Маша! – Сорвалось. – Андрей, не слушай.

Беги к нам, я догоню.

Сегодня обедаем макаронами с тушёнкой.

– Ура! Первого нет! – Радуетя сын.

– Ну, ещё раз скажи, давай! Сто раз уже повторил! – Злит-ся Машка.

– Сестра, из тебя повар как из нашей бабули космонавт Гагарин. Кстати, число сегодня какое?

– А какое?

– Тридцатое.

– Господи, Боже мой... – Машка вскакивает, бежит к буфету, достаёт две рюмки и початую бутылку коньяка.

– Маш, внутри оса дохлая плавает... – сын показывает пальцем на бутылку.

– Глазастый, блин. Всё-то он видит. Щас выловлю. Ты поел? Дуй на улицу. Нечего тебе тут сидеть, разговоры чужие слушать.

Молча смотрим в рюмки.

– Царствие тебе Небесное, бабушка...

– Царствие тебе Небесное...

Неуклюже, стесняясь, крестимся.

Пьём.

– Не хватает мне её, Маш... – я зубы сжала, и глаза крепко зажмурила.

– И мне. Так порой и тянет взять телефон – и номер её набрать... И просто спросить: «Бабуль, как ты там? А я вот в гости зайти хотела...» – Сестра всхлипывает.

Наливаю по второй.

– Теперь деда помянем. Раз уж начали... Царствие небесное тебе, дедулечка.

– Царствие... – Вытирает лицо рукой Машка. – Небесное...

– Закусывай. – Накладываю Машке макарон в тарелку. Ешь. Я старалась.

– Я тоже. – Шмыгает носом. – Только газ на кухне дерьмовый. Не успела кастрюлю поставить – всё сразу пш-ш-ш-ш... И пиздец. А макароны я б и сама сварить могла. Ты б вот попробовала тут борщ сварить, на этой кухне походной.

Улыбаюсь, и ничего не отвечаю.

– Машк... – чувствую, захмелела я уже. С двух рюмочек. – А я о брате мечтала. Думала, ему пистолет с пистонами купят, а я поиграю... За кукол своих боялась.

– И правильно боялась. – Отвечает с набитым ртом. – Они все у тебя страшнее атомной войны были. Я в детстве боялась их больше, чем дедова протеза.

– Тоже боялась дедушкиной ноги?

– Ага. Я, помню, на подоконник зачем-то полезла, штору отодвигаю – а там нога! Я даже слегка в штаны ссыкнула. Хорош ржать, мне года три тогда было, это не считается.

Смеёмся.

– По последней, что ли? – Смотрю вопросительно.

Машка, склонив голову набок, придирчиво смотрит на кастрюлю макарон, а потом на оставшийся коньяк.

– Да добьём уж всё. Что там осталось-то? Наливай.

– Маша, ты алкашка.

– До покойного дядя Феди мне далеко. Давай, говорю, наливай.

– Ну, за бабулю с дедулей...

– За вас, бабушка и дедушка.

– Пусть вам там хорошо будет...

– Пусть...

Пьём, крестимся, плачем.

* * *

– Девушка, этот пистолет с пистонами?

– Нет, он пневматический. Шариками стреляет.

– А с пистонами есть?

– Пистоны?

– Ну, ленточки такие. С точечками.

– У нас автомат есть, с лазерным прицелом.

– Понятно. Спасибо не надо. Точно нет пистонов?

– Точно нет.

– Очень жаль. Очень. До свидания.

Очень-очень жаль...

Часть вторая

«Если хочешь, это так просто: завтра утром ты станешь взрослой...»

Глава седьмая

Лет до четырнадцати я была послушной и хорошей девочкой. У меня были косы, нетронутые перекисью, печень, нетронутая алкоголем, и нано-сиси нетронутые даже лифчиком нулевого размера.

Мамина радость, папина гордость, и позор семьи в моих собственных глазах. Все мои школьные подружки уже пробовали польские крем-ликёры, курили невзятяг пизженный у пап «Пегас», пару раз делали «химию» на мелкие палочки, а кое-кому даже лазил в трусы Лёшка Пожидаев. Я очень комплексовала.

Пытаясь не отстать от подруг, я, рискуя здоровьем своего жопного эпидермиса, выкрала у мамы розовую перламутровую губную помаду, и пронзительно-фиолетового цвета тени, а у папы – пачку «Дымка» и полкоробка балабановских спичек. На следующий день, выкрасив глаза до бровей, и щё-

ки до ушей фиолетовыми тенями, и довершив макияж розовой помадой, я рассердила учительницу английского языка Ирину Евгеньевну, и напугала до икоты трудовика Боливар. Ирина Евгеньевна вызвала в школу мою маму записью в моём дневнике «Уважаемые родители! Обратите внимание на то, в каком виде Лида приходит в школу», а сука-Боливар, кстати, дополнительно накапал маме про запах дешёвых папирос, от которого его не смогли отвлечь неровные и страшные фиолетовые пятна на моём лице. Вечером того же дня, по убедительной просьбе жены, папа ожидаемо выдрал меня ремнём, после чего я затаила на него злобу, и паскудно плюнула ему на ботинки, когда, потирая жопу, брела через прихожую в свою комнату.

С того самого дня я уверовала в бесполезность телесных наказаний, и, годы спустя, сама никогда не пиздила своего сына ремнём, потому что точно знала, что в ответ мне нахаркают в туфли, а потом непременно пойдут по кривой дорожке.

Кое-как закончив седьмой класс, я дожила до июня, и до переезда на всё лето на дачу, во время которого я всю дорогу сидела в машине со страдальческим лицом, потому что в трусах у меня были приныканы пачка сигарет «Ява», коробочка с остатками фиолетовых теней, и большая красная папина настольная зажигалка в виде огнетушителя. Думается мне, она-то и лишила меня на какой-то кочке девственности, потому что несколько лет спустя мой первый мужчи-

на не обнаружил никакой преграды своему хую в моих внутренностях. Про папину зажигалку я ему так и не рассказала, и мы, пообзывавшись друг на друга, расстались. Нахуй нужен такой мужчина, который мне не доверяет?

В общем, как видно из набора, лежащего в моих трусах, этим летом я была намерена напропалую жечь, курить, и краситься в запрещённый цвет. С противоположного конца Москвы, одновременно со мной выехала в том же направлении и с тем же выражением лица, моя подруга Маринка. В её трусах, помимо сигарет, лежало почти всё содержимое маминой косметички, а к спине, под джинсовой курткой, была привязана бутылка водки.

Жечь так жечь, хули мелочиться?

Прибыв на наши шесть соток, я первым делом ломанулась в свою комнату, перепрятывать награбленное в тайник. Тайник у меня был оборудован под плинтусом, в мышинной норе. Дохуя туда не спрячешь, но всякие мелочи вроде сигарет, и трёх чёрно-белых безыскусных порно-карт, которые волновали моё подростковое либидо, вполне влезали. Пометавшись по комнате, выискивая отдельный тайник для огнетушителя, я временно спрятала его в железный ночной горшок, в который заботливая бабушка предлагала мне ссать по ночам, потому что, боясь ночных грабителей, всегда закрывала на ночь дверь на пять замков, а ключи прятала под подушку, отрезая мне выход в уличный тубзик. Горшок я, конечно, презирала, и нашла для себя нестандартный выход в слу-

чае непредвиденного энуреза: высунув жопу из окна второго этажа, я журчала на козырёк крыши крыльца. Прямо под ним у бабушки был разбит розарий из выющихся роз, и благодаря мне, розы вырастали там каждый год на два метра вверх.

В общем, горшок всегда пустовал, и можно было не опасаться того, что кто-то в него полезет. Идеальный тайник для огнетушителя.

Стараясь не попадаться на глаза родителям, разгружающим машину, набитую барахлом, чтобы меня не припахали помогать, я тихонько, огородами, выбралась на дорогу, и поскакала к Маринке. За спиной слышались папины крики: «Вы ебанулись везти на дачу детскую коляску?! Нахуя она здесь нужна?!» – и мамины вопли: «А навоз как воровать с колхозного поля? В руках говно понесёшь, идиот?» В общем, всё хорошо. Щас отряд не заметит потери бойца.

Маринку я обнаружила в кустах, за пятьдесят метров от её дома, и не было нужды спрашивать её о том, что она тут забыла. Я хорошо слышала голос Маринкиного папы: «Ёбнутые вы мои, что вы положили в эту коробку? Памятник с могилы Маяковского? Я вам чо, ишак – таскать эту хуйню?!»

– Разгружаются? – С пониманием кивнула я в сторону Маринкиного дома.

– Переезд хуже пожара. – По-взрослому ответила Маринка. – Курить есть?

– Две. – Я похлопала себя по паху. – Только спичек нет.

– Спички есть. – Маринка тоже хлопнула себя по промеж-

ности, и сморщилась: – Блять, надо придумывать какой-то другой способ перевозки запрещённых товаров. Мне карандаш для бровей в жопу залез, и я так от самой Гжели ехала.

– Большой карандаш-то?

– В том-то и дело, что огрызок. Большой у мамы так просто не спиздишь – попалит. И теперь я не могу его достать.

– Надо было пиздить большой. – Я поучительно подвела итог. – А теперь пойдём курить. На наше место.

«Нашим местом» у нас с Маринкой назывался тощий перелесок на краю колхозного пастбища. Там, под корнем давно упавшего дерева, в торфе, у нас была выкопана ямка, куда мы прятали наши курительные принадлежности в виде двух сигарет, оторванного чиркаша от спичечного коробка, и трёх спичек, завернув их в целлофан. Прятали мы их там ещё с прошлого года. Когда я ещё не курила, а Маринка только пробовала.

С особой торжественностью я извлекла из трусов две помятые «Явы» и полиэтиленовый пакет, а Маринка, кряхтя, вынула их своих труселей коробок спичек, и кусок карандаша.

– О! – Обрадовалась Маринка. – Вот и карандашик вышел. Тебе бровушки подмазать?

– Нахуй! – Я отшатнулась. – У меня родичи ещё не уехали. Папа мне потом жопу подмажет, а мать на цепь посадит.

– Давай-давай, отмазывайся. – Не поверила подруга. – Ссышь, что карандашик в жопе побывал?

– Что?! – Я схватила карандаш, и, не глядя, повозила им по своим бровям. – Кто ссыт? А? Я? Да я весь прошлый год с панками протусовалась! Ты на слабо меня не бери. Я так однажды земляничную вафлю из помойки сожрала, всю, целиком. Теперь меня панки уважают. Чо мне твой обосранный карандаш?

– Панки хой? – Вскинула руку Маринка, и вопросительно на меня посмотрела. – Как-то так, да?

– Панки хой! – Ответила я, и успокоилась. – Давай покумарим.

Слово «покумарить» я слышала от панков, и козыряла им при каждом удобном случае. «Давай покурим» звучало как-то по-лоховски.

– Покумарим. – Согласилась Маринка, вставила себе в рот две сигареты, чиркнула спичкой, прикурила, и передала одну сигарету мне.

– Ну? – Я вопросительно посмотрела на Маринку.

– Давай, на раз-два-три. Раз... Два... Три... А-а-а-автобус!

Курить с «автобусом» Маринку научил в прошлом году одиннадцатилетний мальчик-цыган. Он сказал, что по-другому она хуй научится. «Набери в рот дыма, и скажи «А-а-а-автобус» – поучал мальчик Маринку, после чего её часа полтора тошнило по-началу. А потом Маринка учила курить с «автобусом» и меня. Я быстро научилась её наёбывать, выпуская дым через нос, и не затягиваясь. Эта фишка прока-

тывала у меня даже в школе, когда я курила за углом, в компании старшеклассников. Отчего-то никто не задумывался о том, что пускать дым через нос проще простого. И затягиваться не надо.

– А-а-а-втобус! – Сказала я, и поспешно выпустила дым через нос. – Хорошо кумарим.

– Да просто охуительно. – Подтвердила Маринка. – Забычкуем?

– Забычкуем. – Откликнулась я, и потушила свою сигарету о ствол дерева. – Вечером ещё покумарим, когда родичи в Москву свалят. Ты зажевать чо взяла?

– А то. – Ответила Маринка, а я с тревогой посмотрела на её промежность. Подруга поймала мой взгляд, и ухмыльнулась: – То же мне, панк. Вафлю она ела, блять. Земляничную нахуй. Не бзди, у меня сосиска в кармане есть. И это... Пакет возьми с собой. Земля мокрая, сигареты даже в пакете отсыреют.

Закусив сосиской, мы разошлись по домам, договорившись встретиться в девять вечера у сторожки.

Как во всяком садоводном товариществе, у нас были сторожа. И, соответственно, сторожка. Когда-то была, во всяком случае. К своему несчастью, она была железной и пиздатой, и однажды зимой кто-то её спиздил целиком, прям со сторожем. Остались только четыре бетонных блока, на которых она когда-то стояла. Вот эти блоки и назывались у нас сторожкой. На них по вечерам собиралась местная шпана,

играла на гитаре «Всё идёт по плану» и чота из Металлики, грустно-заунывное, а когда совсем темнело – там, по слухам, даже ебались.

Нас с Маринкой шпана считала малолетками, непригодными для ебли, и даже для бэк-вокала на «Всё идёт по плану», и постоянно нас прогоняла. Но то было в прежние годы. Щас-то нам уже было почти по пятнадцать лет, мы курили, у меня имелись фиолетовые тени, а у Маринки даже были сиськи. С таким арсеналом шпана была обязана нас зауважать.

Спиздив у бабушки старую синюю телогрейку, заляпанную белой краской так, что даже вблизи казалось будто меня обкончал слон, и густо накрасив глаза и щёки, я неспешно подошла к сторожке без пяти минут девять, встала чуть поодаль от шпаны, демонстративно достала из кармана пакет с бычками и спичками, закурила, и выпустила дым через нос.

Через пять минут подошла Маринка, придерживая карман своей телогрейки, из которого бесстыдно торчало горлышко водочной бутылки, и, сунув в рот свой бычок, тихо сказала «Автобус». Боковым зрением мы чувствовали, что за нами наблюдают.

– Зырят. – Прошептала Маринка, кося накрашенным чем-то зелёным глазом в сторону.

– Щас должны позвать. – Я тоже покосилась в сторону шпаны. И не ошиблась.

– Эй, девчонки! – Раздалось сбоку. – Вашим мамам зять-

пьяница не нужен?

– Юмористы. – Скривилась Маринка. – Ничо нового придумать не могут.

– Нужен. – Крикнула я в ответ, и неспешно двинулась в шпане.

За десять метров до сторожки меня опознали.

– О, это ж Лидка-инвалидка! А дед твой в курсе, что ты куришь?

Дружеское прозвище досталось мне два года назад, когда я, пытаясь выебнуться перед шпаной, нырнула с обрыва в пруд-лягушатник, и уебалась головой в какое-то ведро, которое ржавело на дне. Башку я тогда проломилась знатно, и в местной больнице меня обрили наголо, чтобы наложить швы. Я очень боялась, что ко мне прилипнет погоняло Лидка-лысина, и взохнула с облегчением, отделавшись «инвалидкой».

– А я не только курю. – Пространно намекнула на нечто большее я, подойдя к шпане вплотную. – Я, знаете ли, такими вещами вообще занимаюсь...

Какими такими вещами я занимаюсь, я не придумала, и боялась, что меня могут об этом спросить. Но меня не спросили, потому что к сторожке подошла Маринка, вытаскивая на ходу бутылку из кармана.

– Чо, мужики, – Маринка подкинула бутылку вверх, и поймала её за пробку. Я восхитилась. – У меня в феврале день рождения. Отметим?

«Мужики», самому старшему из которых едва стукнуло восемнадцать, посмотрели на дерзкие Маринкины сиськи, и достали в ответ гитару.

– Этой наливать? – Кивок в мою сторону.

Я растерянно посмотрела на Маринку, и прочитала в её глазах ответ...

– Наливать. – Грустно сказала я, понимая, что если мой дед учует сигареты – это полбеды, это я получу костылём по горбу, и два дня не выйду гулять, а вот если я припрусь домой бухая... У меня вообще не будет ни жопного эпидермиса, ни самой жопы.

Мне протянули пластиковый стаканчик с вонючей жидкостью, и бутылку с водой, набранной на водокачке, с разведённым в ней пакетиком «Зуко».

По какому-то наитию я перестала дышать носом, и наебнула водку как лекарство, немедленно запив его бурой жидкостью из бутылки. Я не опозорилась, не проблевалась, не поперхнулась, и даже не сморщилась. Меня тут же зауважали, и самый шпанистый из всей шпаны – мой сосед Ванька – хлопнул себя по коленкам и сказал:

– Присаживайся.

Я плюхнулась к Ваньке на коленки, чувствуя себя ахуенно взрослой женщиной-шпаной, которая пьёт водку, сидит на коленях у мужика, и щас будет курить «Яву».

Второй стакан водки я выпила уже без заправки, потому что она закончилась, но Ванька сказал: «Закусывай курятин-

кой» – и сунул мне в рот прикуренную сигарету.

И вот тут я допустила роковую ошибку. Я затянулась.

Бетонный блок сторожки стремительно поднялся вверх, дал мне по еблу, и наступила темнота, в которой слышался Ванькин голос: «Я её домой не поташу. У неё дед пизданутый. Отхуярит меня костылём, а потом ещё к моей матери пойдёт, и настучит, что это я эту овцу споил. Я её у калитки брошу», а потом меня куда-то поволокли...

Очнулась я от холода. Открыв глаза, я обнаружила, что лежу на мостике возле своего дома, и что в комнате младшей сестры горит свет. Кое-как поднявшись, я по стенке доползла до светящихся окон, и поцарапала стекло.

– Кто там? – Послышался испуганный детский голос.

– Йа-а-а-а-а... Прохрипела я. – Твоя сестра-а-а-а-а...

Машка отодвинула занавеску, взгляделась в темноту, и истошно завизжала.

– Не ори! – Я замахала одной рукой, поскольку второй цеплялась за стенку дома. – Бабушку разбудишь! Открой мне дверь.

Пошёл отсюда, бомж сраный! Я щас дедушку разбужу, у него костыль и трофейный миномёт! – Крикнула Машка, и погасила свет.

Я подождала пять минут, поняла, что на сестру надежды нет, и поползла к другому краю дома, где был врыт трёхметровый столб, на котором держалась телеантенна. По-трезвому я не раз залезала по нему к себе на второй этаж, и это

было нетрудно, а вот попробуй залезть туда, есть ты через губу перешагнуть не можешь...

Несколько раз я срывалась, и падала в бабушкин розарий то мордой, то сракой. В какой-то момент я даже уже доползла до крыши крыльца и попыталась подтянуться, но снова пизданулась. Я уже понимала, что и дед, и бабка давно уже проснулись от грохота, и щас стоят у двери с миномётом и костылём. Но упорно продолжала лезть вверх.

В очередной раз пизданувшись в бабушкины розы, я громко заплакала.

– Лид, это ты? – Послышался бабушкин голос.

– Йа-а-а-а... – Провыла я. – Бабушка, я напилась водки, накурилась сигарет, и пытаюсь залезть на крышу дома-а-а-а-а... Пусти меня домой, а завтра убей!

Скрипнула дверь, в лицо мне ударил яркий свет, и сознание начало меня покидать...

Как сквозь вату я слышала голоса. Бабушкин: «Юра, держи ей голову», дедушкин: «Тазик, тазик несите!», снова бабушкин: «Какой тазик?! Достань горшок из-под кровати!», и Машкин: «О, Лидка выbleвала огнетушитель?!»

... И наступила тьма.

Утром я проснулась, оторвала голову от подушки, и посмотрела в зеркало, висящее напротив моей кровати. Не буду врать: я не заорала от ужаса, не нассала под себя, и не потеряла рассудок. Хуле пиздеть? Но скажу честно: я поняла, почему вчера Машка, увидев меня в окне, завизжала на всё

Подмосковье. Делаем вывод: собираясь на пьянку, с которой тебя могут волоком тащить домой – никакого фиолетового макияжа. Никакого.

Стерев жуткие трупные пятна с лица краем простыни, я перекрестилась, и спустилась вниз на веранду, где обнаружила бабушку. Сжавшись в комок, я приготовилась к пиздюлям.

– Что, хронь, проснулась? – Бабушка старалась говорить строго, но я видела, что её тянет ржать.

– Похмело не мучает? – Сбоку возник дед, который даже не пытался выглядеть зловеще.

– Бить будете? – Я опустила голову.

– А как же? – Бабушка налила из графина стакан воды, и протянула мне. – Обязательно будем. Только толку-то? Сама должна башку иметь.

– Я имею...

– Сушняк ты имеешь, а не голову. Учти: я матери-отцу ничего не расскажу, но если хоть ещё раз...

Меня передёрнуло:

– Я больше никогда... Да чтоб я... Да чтоб ещё раз...

– Вот и хорошо. – Бабушка забрала у меня стакан. – Время покажет.

... С того самого дня прошло больше пятнадцати лет. И за все эти годы я нажиралась до потери памяти раза три. А последние пять лет не пью вообще. Только по большим праздникам. И уж никак не водку.

Зато с тех самых пор я курю взатыг все эти годы, за исключением периода беременности сыном и грудного вскармливания. А когда год назад я привезла своего десятилетнего отпрыска на дачу, и повела его гулять по окрестностям, рассказывая о достопримечательностях, то, проходя мимо пустого места, на котором уже давно нет даже бетонных блоков, вскользь заметила, что вот на этом месте его мама впервые в жизни напилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.